

Павел Косяков

ВСТРЕЧНЫЙ СВЕТ

Москва
Издательство «БПП»
2009

ББК 84 (2Рос.-Рус.) 6
К 93

Косяков П. И.

К 93 **ВСТРЕЧНЫЙ СВЕТ:** Стихотворения — М., «Издательство
«БПП», 2009. — с 310.

Книга стихотворений замечательного поэта Павла Косякова,
главного редактора БИБЛИОТЕКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ.

ISBN 978-5-901746-10-3

© П.И. Косяков, текст, 2009

© Издательство БПП, 2009

БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

«Для веселья наша планета мало оборудована...» — сказал когда-то В. Маяковский. И с этим невозможно не согласиться. Вся история человечества — это история войн, которые не прекращаются по сей день.

Не обошло это лихо и нашу матушку Россию. Хватило всего ей: и войн, и революций, и перестроек. Дивишься, откуда только силы берутся, чтобы горевать, терпеть, восставать из пепла и возрождаться. Очевидно потому, что народ в ней живет особенный, о котором своим поэтическим голосом говорит замечательный поэт Павел Косяков:

Считают нас по головам,
А мы себя по душам.

Загадочная русская душа так и не будет разгадана. Легче открыть тайны вселенной, чем разгадать русскую душу. Если искать ее разгадку, то наверное, только у настоящих поэтов, потому как каждое стихотворение, каждая строка, каждое слово у них пропущено через сердце, в котором нет и не должно быть покоя. Нет покоя и у нашего поэта:

И бредешь ты за кромкой покоя
В неприветливый свой непокой.

Из первой строки этой цитаты и взял поэт название для своей новой книги «За кромкой покоя», в которую вошли стихи, написанные за последние три года.

Павел Косяков — поэт от Бога: талантливый, правдивый, открытый, честный, искренний. Его стихи естественны, не придуманы, взяты из жизни, поэтому и волнуют. Творчество его отличается высокой культурой стиха. Он не учился в Литературном институте, а учился у поэтов старшего поколения, таких как Василий Федоров, Николай Рубцов, которые являются украшением русской литературы.

В непростое время мы живем. Но не мы выбираем время, а время выбирает нас. А если так случилось, то мы должны выстоять, выжить и запечатлеть в своих произведениях свой непокой, свое отношение к миру. Поэзия тоже переживает не лучшие времена. Но она, как цветок, пробивающийся сквозь асфальт, неистребима и вечна, потому как несет земное слово людям, а слово — это Бог. Велика сила слова. Словом можно воспитать не только человека, но и целые народы, словом можно их растлить. Мысли, облеченные в слова, материальны. Слово — это оружие, которое всегда под рукой у людей честных и людей безнравственных. Кто им лучше владеет, тот и побеждает. Настоящая поэзия всегда стояла и будет стоять на самых передних рубежах этих сражений. Она всегда была преградой для пошлости и цинизма. Ее задача — воспитание в человеке человека, сохранение нравственных и духовных ценностей.

Любовь к Отечеству — главная тема творчества Павла Косякова. Она проявляется во всех его стихах, будь то

стихи о природе, о людях, о прошлом России и о нелегком трудном сегодняшнем дне. Горько звучат его строки в стихотворении, посвященном отцу, ветерану войны:

Вновь над нами непрошено
Реют сполохи бед.
Так хотелось хорошего,
А хорошего нет.

До слез волнует стихотворение «Русская вдова». Оно является как бы продолжением некрасовского стихотворения «Есть женщины в русских селеньях», в котором женщина, как Русь, вынесет все, что Господь ни пошлет. И рыдать будет от горя в голос, и детей растить, и пашенку сеять, и страну поднимать:

Всю ночь она рыдала в голос,
А утром избу подмела
И волосы свои по пояс
В тяжелый узел собрала.

У поэта особое, высокое, бережное отношение к женщине-матери, своей любимой:

Женщина тихо баюкает
Тихое счастье свое.

Или:

Ты идешь, своей красой
Красоту земли венчая,
Ни гордыни за собой,
Ни вины не замечая.

И о нелегкой доли жены поэта:

Ты для меня храм,
Я для тебя крест.

Не может поэт пройти и мимо страшной беды —
сиротства, постигшей наш мир:

Наступает пора сквозняков,
Бесприютное время несходства.
По аллеям вселенских миров
Бродит страждущий ангел сиротства.

Нелегко осознавать, что в России сирот сейчас больше,
чем после Великой Отечественной войны. И кто за это
будет отвечать — неизвестно.

Поэзия Павла Косякова осязаема, объемна, зрима и
убедительна:

Жметя к избе поленница,
Греет под солнцем бок.

Или:

Я по самую глотку
Врос в грибные дожди.

Можно приводить еще много цитат из его стихотворений и все они будут говорить о мастерстве и таланте поэта. Встречный свет горит в его беспокойной душе, переливается в слово, волнует и всегда будет волновать сердца людей. Павел Косяков еще порадует нас новыми стихами и, как настоящий сын России, будет до конца своих дней:

Послушником, не принародно,
Молиться за русский народ.

Лауреат Государственных премий России
Владимир Фирсов

Из книги
«ОЖИДАЮЩИЙ БЕРЕГ»

Тишь России... Долгая, без края
Распростерла звонкие крыла.
Уж не ты ли, кроткая, святая,
На лицо мне тихо оседая,
Первыми морщинками легла?

Молчаливость мудрости с годами,
Может быть, коснется и меня.
Но пока, встревоженный стихами,
Оттого и мучаюсь словами,
Чтобы домолчаться до тебя.

1988

Забуду всех и обо всем.
Уеду в дальнюю деревню.
Не сожалея ни о чем,
Уеду подышать сиренью.
Туда, где избы у реки,
Где ведра носят коромыслом,
Где озорные петухи
Поют с простым крестьянским смыслом.
Где молятся из века в век
Лишь одному на небе богу,
Где люди слово «человек»
Вслух произносят по-иному.
Приеду, галстук развяжу,
Разуюсь, шляпу брошу в сторону.
«Я — ваш, родные!» — им скажу,
Забыв, что я — посланник города.
Скажу: «Примите на постой,
Накройте к встрече стол дубовый.
Я только с виду городской,
А сердцем — родственник ваш кровный».
...Когда устанем говорить,
Когда падут ночные тени,
Я попрошу мне постелить
Постель под ветками сирени.

Даже если без следа
Кану в лету, как в пучину,
Русь, тебя я и тогда
И покинув — не покину.

Лишь душа взметнется, лишь
Тело вытянется навзничь...
Но не выше твоих крыш,
Но не дальше твоих кладбищ...

ГЛАЗА ЛЮБИМОЙ

Ах ты елки зеленые!
Разве ж это глаза?!
Так, зарей опаленные,
Смотрят в реки леса.
Так торосы Антарктики
Слепят сколами льдин,
Так глядятся галактики
Из межзвездных глубин.
И грустят, и любят, и
И зовут, и бранят.
И желанье — зажмуриться,
Да они не велят.

Всмотритесь, как прекрасны лица
У женщин в возрасте любом,
Когда их души, словно птицы,
Кружатся над своим гнездом.

Я тоже был им не чужой.
Но вот с годами, мимоходом
Стал замечать, что надо мной
Тех птиц все меньше год от года.

Должно быть, приняли меня
За северный далекий остров,
Где зимовать совсем не просто,
А где-то теплая земля...

Машу нетвердою рукой,
Во всем готовый повиниться,
Туда, где в небе надо мной,
Последняя летает птица.

Кричать? Зачем? Слова сухи, как порох,
И если чиркнуть жалом языка,
То вспыхнет злость, а злобы темный ворох
Горит сильнее любого тростника.

Я промолчу. И чтоб твой путь был легким,
Беспечно отрекаясь от всего,
Я прикажу застыть дыханью в легких,
Чтоб не смутить ухода твоего.

Уже потом, с годами отлюбя,
Мы встретимся, неловко и безлико.
«Чего ждала в тот день ты от меня?»
Спрошу тебя. И ты ответишь:
«Крика».

1985

ОТТЕПЕЛЬ

Жене

В день твой рождения —
вот тебе,
Будто накликал кто, —
Оттепель!
Вслед за метелями,
стужами
Дружную оттепель
с лужами.
С дочкиным крепнувшим
гомоном
На языке пока
ломаном.
С ветра сквозными
порывами,
Вскрытыми в сердце
нарывами.
Не одолеть тебя
вброд теперь.
Ты и сама нынче
оттепель.

Как просты, точны твои движенья,
Их чужому, знаю, не понять.
Только моему воображенью
Их легко и радостно читать.

Две ладошки, маленьких, ребячьих,
Уместятся обе на моей,
Не ладошки — солнечные зайчики
Заняты работою своей.

А волос стремительные кольца
Бойко закатились кто куда.
Каждое колечко как бы колется,
Если их касается рука.

Я смотрю на ситцевые плечи,
Спрятались в неброских кружевах.
А сама ты речкой так и плещешься
В этих двух покатых бережках.

Не кажись нарочно слишком строгой.
Недоступный взгляду твоему,
Все равно я волосы потрогаю,
Все равно я плечи обниму.

1983

У ОБЕЛИСКА

Шумели деревца, листвою кивая,
И было видно людям по всему:
Не в первый раз шла женщина седая
Знакомой стежкой к ближнему холму.
Качался узелок в руке натруженной,
Сползла на плечи старенькая шаль.
Был говорлив ручей, весной разбуженный,
Была светла и бесконечна даль.
Но вот пришла. Отерла пот ладонью,
На камне разложила узелок:
Был черный хлеб посыпан круто солью...
Склонилась в пояс: «Вот и я, сынок.
Ну как ты тут, родной, поди не сладко
Вот так все одному и одному?
Небось скучаешь по селу украдкой,
По родному по дому своему? »
Мать пристально взглянула сыну в очи:
«Ты все такой же... — подошла к плечу, —
Вот только от руки отпал кусочек,
И бронза стерлась на виске чуть-чуть...»
И говорила долго мать седая,
Старушка из далекой стороны.
Был просто теплый день в начале мая,
Обычный день весенний,
без войны.

ДЯДЯ СЕРЕЖА

Дядя Сережа, колхозный сапожник,
Очень любил прогуляться под дождик.
Только захмарит — являлся ко мне,
Так — побродить, рассказать о войне.

Бывший солдат, старшина из разведки,
Был человеком по скромности редким.
Лишь в непогоду, в дождливую сырость
Память в нем как бы наружу просилась.

Старые раны тому ли виной,
Холмик ли дальний под красной звездой,
Где для него, как на поле былинном,
Горечь и слава сплелись воедино.

Помню, как шли мы степною дорогой,
Что уводила под холмик полого.
Дождь поливал нас упругий, подробный,
Ветер тревожил осевшие копны.

Помню, стояли вдвоем под звездою
Каждый в груди со своею бедою.
Дядя Сережа, придавленный скорбью,
Скреб по морщинам беспалой ладонью.

То ли дождейки касались лица,
То ли осколки летели в глаза...

Снова я здесь. Холмик, поле — всё то же.
Только не стало вот дяди Сережи...

ОТЦУ

Статистика Великой Отечественной войны гласит: из бойцов
1923 года рожденья домой вернулся только каждый сотый.

Здесь арифметика
проста.
Ты уцелел —
один из ста.
Смерть осеклась
в своем пути
На девяносто девяти.
И я, идущий за тобой,
Был амнистирован судьбой,
И дочь моя,
что в мир пришла —
Недостающего числа.
...Полно тревожного покоя
Твое лицо,
как отсвет боя.
И если б я
был твой статист,
Взамен наград
учетный лист
Рассек,
как поле борозда:
«Один из ста».

ВЕТЕРАН

Он сидел чуть хмельной и обмякший...
Редкий чуб на глаза ниспадал.
«Помни, без вести нету пропавших»,
— В тишине его голос звучал.

Я молчал. Было нас только двое,
Да холодная ночь за окном.
Он сидел, как солдат после боя,
Я — штабным писаришкой при нем.

На столе остывала картошка,
До краев были рюмки полны.
Его руки терзали гармошку
Так, что только мелькали лады.

Видел я — он не мог удержаться,
Слышал я, как хотелось ему
До друзей фронтовых докричаться,
Что остались в военном дыму.

Как хотелось ему, чтоб напротив,
Вместо шкафа,
дивана,
меня,
Разместилась пехотная рота

С командиром в скрипучих ремнях!..
Но кулак лёг с размаху на скатерть,
Захлебнулась гармонь впопыхах...
«Поиграли, Павлуша, и хватит,
Раскисать нам нельзя, брат, никак».

Я молчал. Было нас только двое,
Да холодная ночь за окном.
Он сидел, как солдат после боя,
Я — штабным писаришкой при нём.

«Кому я такой?
Куда я такой...?»
В. Федоров

Кому я такой?
Зачем я такой?
На львиную долю заполнен водой.
Характером в старца,
душою в ребенка.
И все это тонкой
обтянуто пленкой.
Ошиблась природа,
меня обозначив.
Я был не себе самому
предназначен.
Я должен родиться был
в поле цветами.
И дети меня бы
касались руками.
Я должен был стать
пешеходной дорогой:
Здоровому — в гору,
больному — пологой.
Звездой мог бы стать,
но не призрачно-млечной:
Живому — нагрудной,

а павшему — вечной...
А так, перегруженный мёртвой водой,
Кому я такой?
Зачем я такой?

1984

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

А мир, и вправду говорят,
На встречи тесен.
Вошел, облапил, наследил,
Накуролесил,
Наплел шагов тугую нить,
Как зверь по кругу.
Успел три раза придавить
В дверях супругу.
Был на слова предельно скуп,
Но то и дело,
В нем что-то плавилось, рвалось
И холодело...

А время минуло, к окну
Лег спать вповалку,
Сказав впервые: «Терегнул,
Кажись, я палку».
Во сне стонал, храпел за всех
В оглохшем доме...
Так одинокий человек
Спит на изломе.

Жаль, что я не из деревни,
Не могу сажать деревья
У крылечка своего.
Жаль, что в пору воскресений
Не стучатся в дверь соседи.
Выйду, крикну... Никого.

Жаль, что в доме крупноблочном
Одиночество так прочно,
Заквадрачена душа...
А в деревне тишь, просторы
И с калитками заборы.
И соседка хороша!

1988

ДОБРОТА

Весь мир пронизан добротой:
И зимний день,
и летний вечер,
И лес, и пруд,
и человек
Все той же добротой отмечен.

Не предавайте доброту
Ни в злобе лютой,
ни в отчаянье,
И даже в забытьи,
нечаянно;
В тяжелом,
гибельном бреду,
Не предавайте доброту!

Я сам в охотничьем пылу
Стрелял в нагую доброту,
Пока в ответ на выстрел свой
Был не расстрелян добротой...

Не люблю я мест оседлых.
Я из рода новоселов.
Из того, что вижу, слышу,
Строю стены, крою крышу.
Обнаженных чувств волокна
Мои двери, мои окна.
И бегут года в беседе,
Лишь меняются соседи.

1987

На моем столе лежит снимок охотничьего пса.

Осень приспела,
А с нею охота.
Время засад
И утинового лета,
Старых кострищ,
Тайных троп через топи,
Запаха смешанной с порохом дробы.
Золотом льется
Сквозь окна природа.
Грустному фото
Побегать охота.
Но, заточенному
В глянец бумаги,
Нет ему места
Для прежней отваги...
Чудятся псу
В торжествующем кличе
Пестрые стаи непуганой дичи.

1988

Кто сказал, что я не весел,
Что характером угрюм?
Мне сегодня что-то тесен
Модный импортный костюм.

Вот смахну ладонью слезы,
Да притопну каблуком,
Постовой, что я тверезый,
Не поверит нипочем.

Эй народ, прошу вниманья!
(Пропадать, так пропадать!)
Бубенцами медь в кармане
Будет яростно бренчать.

О-ох, пройду как есть по кругу,
У-ух, легка моя печаль,
А-ах, сейчас бы мне подругу,
О которой не мечтал!

Поллюбуйтесь-ка, тихони,
Как снуют мои ладони
От груди до каблуков,
До багровых синяков!

Смехом залит весь квартал.
Веселится стар и мал...
Лишь две тихие старушки
Грустно вымолвят друг дружке
«Видно, жизнь не ладиться»...
«Ишь, как надрывается»...

Я еще не научился
Прятать душу от беды.
Я еще не научился
Говорить с судьбой на ты.

Я еще могу без злости
На непрошенный визит
«Пройди, — ответить гостю,
На двоих мой стол накрыт».

Я еще, бывает, плачу,
И чем дольше — тем сильнее,
Как малец, забывший сдачу,
Перед мамою своей.

ПРОЩАНИЕ С МИНЕРАЛЬНЫМИ ВОДАМИ

Прощай, мой южный городок.
Друзья, подруги, до свиданья.
Последний мостик — след от ног
Смывают в зале ожидания.

Ну вот и все.
Прощай, прощай,
Край синих гор, край звонких речек.
Мой тополь старый, обещаю
Зазеленеть в день нашей встречи.

Пиши мне письма, тихий двор,
Листвой захламленный, убогий.
Да сбережет тебя забор
От гроыхающей дороги!

Прощайте, улочки, дома,
Петляющие вдоль обочин,
Где по низинам весь саман
Капризной речкою подмочен.

Пора, пора. Зовет гудок.
С волнением, с чувством светлой грусти
Я покидаю свой исток.
Мне дальше — к устью.

1984

До чего же зыбки
Детские улыбки.
До чего нечаянны
Горести случайные...
Ни мостка, ни грани
От комедий к драме.

1987

ГУЛЬБИЩЕ

Рассчитаю в себе грусть
На четыре стороны.
Засвищу в два пальца — пусть
Ошалют вороны.

Подо мною трин-трава
Будет вдоволь стлаться.
Предоставлю все права
Я душе размяться.

Эй вы, лешие в лесах,
Водяные, чудища,
Приглашаю скопом вас
На веселье-гульбище!

Пой, играй вовсю, пляши
Сколько хватит духу!
Позабавим от души
Сонную округу.

Знает пусть народ честной,
Кто придти отважится:
Пляшет парень холостой,
Потому что пляшется!

ПЕРЕКУР

«Стоп, ребята! Перекур!
Поднянем вожжи.
Хоть убейте — не могу
— Задубел до дрожи».

Бригадир сказал — закон.
И, расправив плечи,
Друг за другом мы гуськом
Заспешили к печке.

Хорошо прильнуть к теплу,
Закурить, разнежиться...
«План на стройках, доложу,
На печурках держится».

Это кто-то из ребят,
Ошалев с мороза,
Как в народе говорят,
От души сморозил.

Ну а там уже пошло:
Шутки, небылицы,
И от этого теплом
Задышали лица.

«Я — за ней... Да как назло,
Гололёд, откосы...
Только к дверцам — они хлоп
Прямо перед носом!..»

Хоть не верится всерьез
В эту байку хлопца,
Все равно братва до слез,
Разомлев, смеется.

Дым табачный, сущий мор,
Лезет во все бреши.
Тут уж в пору не топор,
А стропило вешать!

Но вот сам наш балагур
Тронул рукавицы...
Ах! Как мало перекур
Возле печки длится!

НА СТРОЙКЕ

Еще природа досыпает.
Тянет хмарью от реки.
А прораб уже всыпает
Бригадиру за грехи.

Котлован готов к приему:
Сдержан, собран, деловит.
Вниз к бетонному проему
Наша братия спешит.

Вездесущий «спецмонтаж»
С ходу занял «бельэтаж».
Ну а мы — не «ИТР»,
Нам сгодиться и «партер».

Все расставлены при деле;
Откурили, отгалдели.
Стихло все в какой-то миг...

Зорька плещет в лица озером.
Солнце выглянет вот-вот.
Над выхлопной трубой бульдозера
Крышка ласточкой снует...

И минутой позже — пилы
Вгрызлись в доски что есть силы.
Молотки же без иронии
Продолженьями ладоней
Замелькали тут и там
По опешившим гвоздям.

Не взирая на умы,
Не забыты и ломы.
От стахановских лопат
Телогреечки дымят.
И дивится «бельэтаж»
На земной ажиотаж
...«Ша-б-а-а-ш!»

Вон закат уж плещет озером.
Солнце скроется вот-вот.
Над выхлопной трубой бульдозера
Крышка ласточкой снует.
И движок вздыхает вслух:
«фу-у-х...»

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Ну вот и занавес. Конец.
Спектакль окончен.
Контакт со зрителем исчез,
он обесточен.
Пустынный зал, убравший грим,
безмолвен, кроме:
На сцене слышен легкий скрип,
там бродят роли.
А в глубине цветных кулис,
среди атрибутов,
Ведет заслуженный артист
разбор дебютов.
И каждый, рядом с ним, легко
вплетает, споря,
Свое конкретное лицо
в лицо героя.
Угрюмый сторож-инвалид,
напившись чая,
Куда-то медленно трусит,
гремя ключами...
Как сонный бриг, театр скользит
в преддверье ночи.
И сцена-палуба скрипит...
Спектакль окончен.

ЧИТАЯ «РЕКЛАМНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ»

Вещает реклама.

Достаточно хлама

Мелькает средь скопища строк.

— Куплю по дешевке полотна к ножовке...

— Продам усилительный блок...

Читая, вникаю...

— Сдаю...

— Предлагаю...

— Могу не задаром помочь...

— Жду встречи...

— Нуждаюсь...

— Охотно меняюсь...

Я тоже меняться не прочь.

Меняю усталость

На времени малость,

Вдогонку ковер и уют.

Все ночи на утра,

Ошибки на мудрость

И глупость на внутренний слух.

Меняю на дачу
Ответ, что я значу,
Полдома в придачу, с листа.
Махнусь без оглядки
На место в палатке,
Куда не идут поезда.

А всё остальное
Моё и чужое,
Что памятью в сердце лежит,
Старо пусть, не модно,
Смешно, как угодно
Обмену не подлежит.

Мне в предутреннем бреду
Ясно видится порою:
Пешим странником бреду
Азиатской стороною.
Каменист и труден путь,
Зноен ветер, мой попутчик,
Гиблой птицей бьется грудь,
Отвоевывая кручи.
И когда идти невмочь,
Пуст бурдюк и ступни в ранах,
Заклинаньем из Корана
Обволакивает ночь...
О, хранительница дум,
Сторож призрачных кочевий,
Ты несешь с Кара-Корум
Избавленье от мучений.
Отдохну.
По маяку Звездному сойду в долину.
Знаю, выйду к роднику,
К чужеземному овину.
И всю ночь хозяевам
Не сомкнуть за гостем руки.

Будут к окнам гнать зевак,
Словно в праздник, бубна звуки.
...Помню ночь, хребты седые,
От вина и чувств хмельные,
Вслед шептали дервиши:
«Урус якши,
урус якши...»

УЗОР НА ПЛАТЬЕ

Шла женщина. Шелк трепетал.
Да так, что округа немела.
И ветер, глумясь, заголял
Ее совершенное тело.

Шла так, как идут на престол,
Тая в себе блеск и отвагу,
И дерзкий метался подол,
Подобный пиратскому флагу.

Взлетал, отвергая небрежно
Толпы пепелящий укор,
И реял победно мятежный
На тлеющем платье узор!

1988

2003

ЦВЕТЫ НА АСФАЛЬТЕ

Картинку эту видел ты:
Рисует девочка цветы,
Как в Пакистане и на Мальте,
Рисует прямо на асфальте.
У нас, прохожих, под ногами,
Спешащих, занятых делами,
Решением глобальных тем,
Неподдающихся проблем...

А девочка цветы рисует,
Цветным мелком живописует.
Кладет любовно каждый штрих...
И мир на корточки приник
Без войн, смертей и потрясений.
...Да потому что день весенний,
Да потому что вот оно —
Земли простое полотно,
Доступное любому глазу,
Не обманувшее ни разу...

Рисуй свои ромашки, кроха,
Иначе всем нам будет плохо.

Ю. Безуглому посвящается

Разлетимся по белому свету:
В самолетах, вагонах, санях,
Оставляя друзьям по секрету
Свои явки в таежных краях.
Будет домом — палаточный полог,
А периной — простой каримат.
Будет вечер доверчиво дорог:
Для меня,
для тебя,
для ребят.

На тропе, на воде, под ветрами
Мы проложим нелегкий маршрут ...
Над уснувшими бивуаками,
Пихты нас
подождут,
подождут.
Непогода, туман, перегрузки,
Пот в глаза и свинец рюкзака...
Наверху нас обнимут по-русски
Облака,
облака,
облака.

Нас усталых, счастливых, голодных
Встретит скромный походный паёк.
И в награду костёр нам охотно
Подпоёт,
подпоёт,
подпоёт.

А когда мы вернемся под крыши
Городов — снова жить на бегу,
Нам приснится, как вечностью дышит
След звезды
на снегу,
на снегу.

Январь 2004

РАЗЛУКА

Время ляжет незримо
От меня до тебя.
Станешь кем-то любима,
Никого не любя.

Осень желтой порошей
Обозначит предел:
Быть в России хорошей-
Незавидный удел.

Улетай... Провожая...
Горизонт заслоня,
Я тебя понимаю,
Я тебя обнимаю,
Никого не любя!

Смысл отчетливо внятен,
Но душа не гранит.
Миллиардами вмятин
Мое сердце болит.

В переулках бездонных
Как мне жить среди мук
С ощущеньем в ладонях
Ускользящих рук...

ИЗ КНИГИ
«РАДОСТЬ ПЕЧАЛИ»

I

ВЕЩИЕ ПТИЦЫ РОССИИ

Исколесили:
Вёрстами, вехами...
Мимо России
Мы не проехали.
Облаком в небе ли,
Эхом ли буден,
Падшими — не были,
Павшими — будем...

Ноябрь 2004 г.

Когда развеет без следа
Печаль,
моих стихов страницы,
И станут воронами птицы,
И крепостями города.
Когда, воспрянув ото сна,
Я выйду в ночь, в преддверье смуты,
Кого ты выведешь,
страна,
На поредевшие редуты?
Всего в полшаге
от спины —
Лишь грозный отблеск
тишины...
Когда забытый стыд и страх
Арканом просвистит за стены,
Повиснув петлей на крестах,
С какой молитвой на устах
Ты примешь проповедь
измены?!

...Почти один в твоём строю.
Всего полшага — и в раю...
Рожденный светлым — светом станет,
«Храни нас, Отче!»
А пока —
Сжимает щит моя рука,
И жгут костры во вражьем стане...

Все ощутимей, все тревожней
Утилизации плоды,
На смену «стоп» и «осторожней»
Пришел зеленый знак беды.

Под этот знак, легки,
игривы,
Безудержною чередой
Летят, гремят локомотивы,
Сцепив вагоны меж собой.

Мелькают станции, перроны,
Под неумолчный стук колес
Летят без адреса вагоны,
А в них: завалинки, иконы,
Деревни,
рощицы берез,

Леса, поля, дожди, рассветы,
Улыбки, встречи, нежность, грусть.
Все эти родины приметы
Я перечислить не берусь.

Но я отчаянно боюсь,
Когда пришпорив бег столетий,
В противоход и под уклон
Качнется к пропасти последний
Беспечно сцепленный вагон.

Январь 2004 г.

РЕЧКА СЕТУНЬ

Доверяться всем не следует,
Только ты не петушись,
Я ведь только побеседую
И посетую на жизнь.

На меня ты перекатами
Поминутно не рычи,
Ведь известно, и без карты мы
С тобой речка — москвичи.

Пред тобой юлить мне нечего:
Я хотел бы с головой
Быть обласканным доверчивой
Окуневою водой.

Что я делаю — не ведаю.
Оробевший вечер тих.
Под фатою — пеной белою
Ты — невеста, я — жених...

Через плесы, колобродины,
В потаенных берегах
Разнесу я запах Родины
На целованных губах!

Январь 2004 г.

На свете множество дорог.
Но получалось все же:
Лишь тот я путь осилить мог,
Где рядом шел прохожий.
И всякий раз на свой: «Привет!»
Я слышал это же в ответ.

Шел и проспектом, и тропой,
В огнях и лунном свете,
И на одной из них такой
Свою любовь я встретил.
Ну что мне мимо бы пройти...
А оказалось — по пути.

Ложатся вежи колеи,
Околицы и стежки,
С почтением — под костыли,
И весело — под ножки.

От материнского крыльца
Бегут, толкаясь, вьются...
И попадают нам в сердца,
Да там и остаются.

Январь 2004 г.

Когда в купейном катишься вагоне,
Забыв московский призрачный уют,
Мне нравится, когда в мои ладони
Дорожный чай с улыбкой подают.

И это значит: все-таки я еду.
Куда, зачем — уже мне все равно.
Устало — вежлив к шумному соседу,
Смотреть я буду в мутное окно.

И доверяя тягловой той силе,
Которой наделен локомотив,
Я буду продвигаться вглубь России,
Все остальные встречи отменив.

Передо мной, в предметной круговерти,
Забывая, не потеряв лица,
Предстанет жизнь с рождения до смерти,
Взывающая к милости Творца.

В моем пути, от города к покосам,
К речным разливам, пойменным лугам,
Я задаюсь единственным вопросам:
Смогу ли чем ответить я вам?

Овраги — глубоки, холмы — высоки...
(Мне с расстоянья виден перепад).
Как времена, что были так жестоки,
Скупы и для признанья и наград...

Стучат колеса. Веет сладкой грустью...
пилось солнце в дальнюю межу...
Я, проезжая сумеречной Русью
На каждом полустанке выхожу.

Февраль 2004 г.

УТРО РОССИИ

Свернулась калачиком, словно дитя,
Туманом прикрыта,
зеваешь спросонок.
Смотрю опечаленно я на тебя,
Мой первый и, знаю, —
последний ребенок.

Леса, словно косы, озера — глаза...
Еще в поволоке дремотной
немножко,
Глядишься под своды церквей в образа
И крестишь свой лик
еще теплой ладошкой.

Россия!..
Отеческой грусти полна
Моя пред тобой
возмужавшая вера.
И крепнет все, полнится в сердце вина,
И этой вины моей
слезная мера.

Октябрь 2004 г.

Улягусь в травы на живот,
Как бы прощаясь. Скоро осень.
Жизнь и меня переживет,
Но задержаться в ней попросит.

Моя земля...
И мне ль не знать
Того, что вместе пережили.
Я мог бы много рассказать,
Когда бы слезы не душили.

Я это поле над рекой,
Овраг уткнувшийся в ограду,
Ношу, как носит рядовой
Свою солдатскую награду.

Сентябрь 2004

СИНИЙ ПОЕЗД

По России поезд синий
Мчит в сиреневую даль.
И слетает лист осины
На вагонную эмаль.

Мимо пашни, мимо рощи,
С ними связанный навек,
Едет, в общем-то, хороший
Очень русский человек.

На своем плацкартном месте
Он глядит в тревожный мир,
Обогнавший лет на двести
Этот поезд пассажир.

Мало счастья, горя — много.
Слезы капаят с лица...
И летит, летит дорога,
У которой нет конца.

Сентябрь 2004 г.

ЖУРАВЛИ

Жизни ли, смерти в угоду
Над колыханьем равнин
Вновь журавли в непогоду
Тянут тоскующий клин.
Вещие птицы России...
Долгое эхо небес
Гонит по блеклой низине
Вспоротый окликом срез.
И над овражьем глубоким,
И над безвременьем лет
Стелется теплый,
далекий
И всепрощающий
свет.

Сентябрь 2004 г.

ОСЕНЬ ВОЛОГОДЧИНЫ

Тащит в небе облака
ветер волоком.
Прячет Толшма берега
в мокром пологе.

Стынут крыши деревень
за угорами.
Бредит сумрачный плетень
разговорами.
Смотрят храмы в небеса
у обочины
В журавлиные глаза
Вологодчины.

Сентябрь 2004 г.

Памяти Николая Рубцова

Вниз по Сухоне, к Тотьме,
До Никольских болот,
Не таинственный тот ли
Меня голос зовет?

Режет судно упрямо
Гордым килем волну.
«Вам куда?» — спросят. — «Прямо,
Мне к себе самому».

Есть вино и закуски,
Есть щемящая грусть.
«Кто ты?» — спросят. — «Я русский!»
Значит, выпьем за Русь!

Мерный гул теплохода.
Бликий всходит рассвет.
Кто сказал, у народа
Прежней памяти нет?

Даль затаманута далью.
И не спится никак.
И с геройской медалью
У соседа пиджак...

Вниз по Сухоне, к Тотме,
До Никольских болот,
Не таинственный тот ли
Меня голос зовет?

Сентябрь 2004 г.

ДЕРЕВНЯ НИКОЛА

За деревней Черепанихой,
Через Сухону-реку,
Нас везет паром, с напарником,
За нехитрую деньгу.

Все оплачено, улажено.
Тарахтит слегка движок.
На флагштоке принаряженный
Государственный флажок.

За паромом, по угору,
Верст пятнадцать напрямик,
В знаменитую Николу,
На свидание к Рубцову,
Нас подбросит грузовик.

У пекарни, возле церкви,
Мы стоим. Какой простор!
Нас встречает для проверки
Покосившийся забор.

Чуть поодаль — дом сиротский
У развилки двух дорог,
И глубинный, вологодский
Родниковый говорок.

Все, как прежде... Все иначе...
Лишь одна и та же грусть.
И над нею в песне — плаче
Увядаящая Русь.

Обманулась в переправе...
как в стихах писал поэт —
«Сам ехал бы и правил,
Да мне дороги нет...»

Сентябрь 2004 г.

В ДУБОВОМ ЗАЛЕ ЦДЛ

Мы в дубовом ели зале
Разносолы с судаком.
И над нами зависали
Официанты с коньяком.

Отбивные ели с кровью.
Пот стирали с красных шей.
Нас с огромною любовью
Развлекал дуэт пажей.

Подливал, чегоизволил,
Спотыкался на ходу...
Вот бы так к Рубцову Коле
В шестьдесят втором году.

Сентябрь 2004 г.

Улететь к родному краю.
Над землей привстав слегка...
Почему я не летаю?
А ведь мог наверняка.

Развести пошире руки
И ладони на поток...
Через слезы,
через муки,
Через долгие разлуки...
Обязательно бы смог.

Где вы там, родные, мчите
В опечаленной дали?
Научите, научите
Править крылья, журавли!

Как и вы — живу тоскою,
Кроткой радостью небес.
Научите, как стрелою
Бедам мчать наперерез.

Над землей привстать слегка
И лететь родимой далью,
Пока скроют облака...
Почему я не летаю?

Май 2004 г.

РОДИНА

Я дорогой скоротечною
Выйду в поле за межу.
Этим вечером я вечностью
Полной грудью подышу.
Подышу полынью, мятою.
Налюбуюсь... настыжусь...
В простынь клевера немятую
Грешным телом завернусь.
Ты споешь мне. Я послушаю,
Как ты горестно поешь.
Ты одна меня Павлушею,
Словно матушка, зовешь.

*Февраль 2004
Май 2004*

Земля как земля...
Только краски построже,
Да отзвук печальнее
Ближних небес.
Отсюда уход
Для меня лишь возможен
До дремлющих кладбищ
С крестами и без.

Земля как земля...
Да и люди как люди,
С нелегкою долей
В посмертном родстве.
И в этой судьбе,
Как в слезавшейся груди,
Есть место любви
И могильной траве...

Я знаю, какая
Мерцает порода
В груди моего
Золотого народа!

Февраль 2004

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Грустно на сердце и зябко.
Словно по лету скорбя,
Листья сгорают охапкой
В красном костре октября.
Свет проникает высоко
В неба холодную тишь
Мимо пустыющих окон
И прозябающих крыш.
Вот он, в прозрачной купели,
Клином мелькнул и исчез...
Словно сгорев — отлетели
Души земли и небес.

Февраль 2004

НА ЗАКАТЕ

За рекою лес и поле
В красных отблесках огней.
День еще один отмолен
Перезвонами церквей.

Все настойчивее тени,
Все смелее мошара.
Дух коровьих испарений
Оседают в клевера.

Гаснут омугные воды,
Полускрытые ветлой.
Отступают в огороды
Гуси важною гурьбой.

Тьмой нахохлились овраги.
Смотрит с норовом бурьян.
Под напором свежей браги
Душу пестует баян.

И сопит молочным сапом
Стадо грузное на запад.
Где садится солнце. Село...
Догорает...
Догорело...

Ноябрь 2004 г.

Крылата Русь.
Куда ни глянь:
Под лебедями — Лебедянь,
Под журавлями — Журавлево,
Под снегирями — Снегиреве..
Она сама, кружась над нами,
Все машет белыми крылами,
Роняет скорбное перо,
Не на погибель — на добро.
В одну всех нас скликает стаю...
Куда лететь?
...И я не знаю.

Сентябрь 2004 г.

Возле собственных ворот
Я нырну в водоворот
осени.
Где я? В мареве аллей
У озябших тополей
спросите.
Приведут мои следы
Вас в торговые ряды
ближние,
Где я выменял на грусть
За бесценок (ну и пусть)
лишнее.
Не кори меня, родня.
На, пощупай!
Вот он я
подлинный.
Я ни шагу от оси,
Я, как есть, Всея Руси
подданный!

Сентябрь 2004 г.

РУСЬ

Родная, близкая, от пят
До шелковистой мочки,
Сидишь меж гроздьями опят
И плачешь на пенечке.
О чем? Что снова на балы
Тебя позвать забыли?
Что ноги серы от золы
И придорожной пыли?
Утешься. Было бы о чем...
Смотри, над головою
Судьба с хрустальным башмачком
Стоит перед тобою.

Ноябрь 2004 г.

Здравствуй, лето, Троица,
Мой тебе поклон!
Русь моя покоится
Лицами икон.

Крестным ходом,
звонами,
Тайною мольбой
И такой бездонною
Сладкою тоской...

Купола... и вороны...
Да печаль окрест...
На четыре стороны
Рассеченный крест.

Ты одна мне,
исподволь,
Словно я в раю,
Тихо шепчешь исповедь
Светлую свою.

Июнь 2004 г.

Что я запомню на земле,
Когда душа взмахнет крылами?..
Деревни, скрытые во мгле
Непроходимыми снегами.

Глаза молящихся старух,
Тоскливый лай цепной дворняги,
В избе от печки жаркий дух,
Послушный только звездной тяге.

В метельном логове лоцин
Саней останки, крест понурый...
Все, что я бережно сложил
В свой скарб исчезнувшей культуры.

Потомкам из грядущих лет
Чудно, должно быть, будет, дико
Узнать, как мы ушли в рассвет
Без сожаления и крика.

И удивятся нам они,
И сквозь века пойдут за нами...
Но будем мы отдалены
Непроходимыми снегами.

Март 2005 г.

Под сугробами,
в грязи ли,
В придорожной ли пыли,
Для рожденного в России
За Россией нет земли.

Нет милей земли,
нет краше,
Нет печальней,
нет грустней
И неистовее... даже
В обреченности своей.

Пусть суглинок,
крест,
ограда
И над этим песнь стрижа...
Но лишь этому и рада
Наша русская душа.

Март 2005

Бывает вытолкнет за дверь,
И через час вагонной скуки,
Оседлый пригородный хмель.
Степенно примет на поруки...

Свинцом подернутая даль.
Тоска и грусть — в немом дозоре...
Ну здравствуй, сумрачный февраль
Забывших богом территорий.

Вокруг осевший темный снег,
Под ним земля насквозь промокла.
Смотрю, как путний человек,
На заколоченные окна.

На этот одинокий сруб.
На полусгнившие, вот эти,
Жестянки водосточных труб,
К земле повисшие, как плети...

Но греет сумрак нежилой
Все то же вековое сердце.
Я здесь, чтоб мерзлую спиной
На эти бревна опереться.

Я верю тайному теплу,
Огню целительного жара.
Нас не изъять по одному,
Пока спина к спине прижата!

Пока связующий магнит
Дарует истинную крепость,
Пока в душе моей горит
Вот эта жгучая потребность.

Февраль 2004

Ну, давай, Москва, покалякаем,
Как положено на Руси.
В этот вечер февральской слякоти
У меня тяжело в груди.

Рассмотрел, пригляделся вдумчиво,
Начитался цветных реклам.
Быстро ты, с иноземной купчею,
Разошлась по чужим рукам.

Оттопырила важно губищи,
Примеряясь к чужим богам.
Что?! Забыла, как Минин в рубище
Собирал тебя по крестам!

Нет, не тем ты святым поклонилась,
Сотрясая кремлевский свод.
Ряской скорою заболотилась
Без целебных проточных вод.

Что глядишь на меня с усмешкою
Под двуглавым своим орлом.
Как ни бросишь — я лягу «решкою»,
А не свадебным пирогом.

Я тебя и себя замучаю
До предсмертных уже икот,
Пока вижу с тоскою жгучею
Привокзальных твоих сирот!

Плачь душа! И слезами выбели
То, что мне по Руси нести
До забытой в глуши обители,
До последней своей версты.

Февраль 2004

ОСЕНЬ РОССИИ

Как будто жизнь и впрямь остановилась.
Седая мгла затмила небеса,
И влажная задумчивая сырость
Легла на пожелтевшие леса.

Какая грусть! Какое буйство тлена:
В листве берез, в полете поздних птиц...
Звенит душа! И рвется вон из плена,
Из пустоты изменчивых столиц.

О, Русь! Люблю, люблю твой вечный
трепет,
Твоих полей мерцающий простор.
Осенний вечер, скорый, нежно треплет
Твоей природы царственный убор.

Февраль 2004 г.

ПРЕДЗИМЬЕ

Стали тихими утра
И безлюдней дворы.
Обессилев как будто,
Лес теряет дары.
Только шелест и шорох,
Да реки сонный плеск.
На озябших просторах
Виден инея блеск.
Затаилась природа,
Словно и не жива.
На тулуп не охота
Ей менять кружева.
Но уже за холмами
Слышен гул колесниц.
И грустней под ногами
Долгий скрип половиц.

Октябрь 2004 г.

Когда метелит по укосам,
Когда тепла еще не ждут,
Люблю к простым великороссам
На чашку чая заглянуть.

И будет там мне все знакомо,
И мне в ответ дадут понять,
Что не в гостях я вовсе — дома,
Где стоит жить и умирать.

Пусть не богат их стол накрытый,
Зато подскажут, где присесть.
Хозяйка спросит: «Не хотите?
Капуста квашеная есть».

Капустка есть, огурчик — тоже,
И не успеет разморить,
Картошечка с румяной кожей
Спешит к застолью пригласить.

Краюха хлеба, яйца, сало,
И как уж принято — вдогон
(Для малопьющих — «чтоб стояло»)
В приметной таре самогон.

Вот и уважь потом жену
Её упреки отменяя,
Что я, замерзнув, заглянул
Всего-то выпить чашку чая.

Ей, простодушной, не понять,
Какая блажь меня носила,
Какая мной повелевать
Могла неведомая сила.

...О, русский дух!
Душа в окладе!..
Я снова выйду на мороз,
Вновь колесить в метельной пади
С глазами мокрыми от слез.

Февраль 2004 г.

МНОГОСНЕЖЬЕ В МОСКВЕ

Снова злобствуют метели,
Город напрочь заноса,
Город тучен,
город в теле,
Город будто на сносях.
И столица терпит муки,
Только охает, пыхтя.
Скоро вьюге — повитухе
Принимать весну — дитя.

Февраль 2004 г.

Белое братство
в белом дозоре,
Белые нити
в оконном узоре,
Белые вьюги
гуляют снаружи,
Я по-хорошему
ими простужен.
Мне хорошо
в этом городе белом,
Белым, по душу,
засыпан я снегом.
Белых конвертов
танец по кругу:
Белые письма -
старому другу.
Вижу я в белом
доме напротив
Женщина в белом
махнула мне вроде...
С белой поземкою
на парапет
Лег долгожданный
белый конверт.
Белые вальсы
белой погоды.
Белые платья
белой природы...

Так обогреть
могут лишь, без усилий,
Белые зимы
белой России.

Январь 2004 г.

И снова зима колобродит.
Завалена снегом страна.
И кажется этой природе
Не ведомо слово — весна.

Метелит и вьюжит,
и снежит.
Как это случиться могло?
Незримо, в пробоины те же,
Уходит,
уходит тепло...

Духовный порог гипоксии.
(Сюрпризы погоды не в счет).
Уходит тепло из России
В свободный, прощальный полет.

Февраль 2004 г.

Когда меня не станет
На Родине тревожной,
То поменять местами
Нас будет невозможно.
Мы — два единоверца,
В одно объята слово,
Как сдвоенное сердце
Одно внутри другого.

Октябрь 2004 г.

Наверно, я не подхожу
Под этот век летящий:
Все больше прошлым дорожу.
Все меньше — настоящим.

Казалось бы и по пути,
И место есть у бровки...
Но как-то тянет все сойти
На ближней остановке.

Уже нет прыти? Может быть...
Но все ж не в этом дело:
Устали на колесах жить
Мои душа и тело.

Сойду на первый же перрон.
Снесу свои пожитки
На давний с детства перегон,
Где домики, калитки...

Где дней неспешных череда
Уложит и разбудит,
Откуда мчаться в никуда
Уже не надо будет.

Январь 2005 г.

*Родная страна не бывает плохой...
Геннадии Русаков*

Я эту часть суши
Запомню такой.
Родная земля
Не бывает плохой.

И даже когда
Пелена наползает,
Земля ни постылой,
ни злой не бывает.

Не смогут чужими
Быть близкие люди,
Ни раньше, ни позже -
Роднее не будет,

И ты эти строчки
Запомни такими.
Стихи из души
Не бывают плохими.

Январь 2004 г.

II

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

ТЫ ТАКАЯ

Не печалься, моя дорогая,
Что я снова куда-то лечу.
Ты такая, поверь, ты такая...
Что с другою я быть не хочу.

Не грусти, расставанье недолго,
И за кромкою взлетных полос
Будешь снится мне в платье из шелка,
С темной челкой душистых волос.

За разлуками следуют встречи.
За слезами — улыбки и смех.
Твои теплые, хрупкие плечи
Я руками прикрою от всех.

Шереметьево снова в тумане.
Все отложены рейсы на взлет.
Лишь диспетчер ведет на экране
Очень нужный тебе самолет.

Не печалься, моя дорогая,
Что я снова куда — то лечу.
Ты такая, поверь, ты такая...
Что с другою я быть не хочу.

Сентябрь 2004 г.

Будет тобой не носиться
Мной не подаренный шелк.
Как так могло получиться,
Что я тебя не нашел.

Не отыскал, не приветил,
Не распознал впопыхах...
Был недостаточным ветер
В наших с тобой парусах.

Нас обогнули пассаты,
Нас миновали шторма.
Мы в нелюбви виноваты,
Как в малоснежье зима.

Нас к эпицентру покоя
Нашей невстречей снесло...
Господи, как же такое
С нами случиться могло?

Август 2004 г.

СВЕЧА

Задуть свечу,
Наш парус ночи,
Я не хочу
И ты не хочешь.

Нам не темно.
Латаем днище.
Освещено
Свечой жилище.

Себя в наем,
Кому придется,
Мы не сдаем...
И не сдаемся.

Июнь 2004 г.

Вино не радует пьяня,
Родная, сядь ко мне поближе.
Пойми, в отличие от тебя
Я не воробышек Парижа.

Иная мысль кипит во лбу,
В душе растет иная драма;
Что если я и есть горбун
Березового Нотр-Дама?...

Прости задумчивость мою.
Еще тянусь, еще пытаюсь...
«Мы будем вместе» — говорю,
Но говоря — уже прощаюсь.

Мне — золотые купола,
Тебе — моление Парижу.
По ком звонят колокола
Из нас двоих, один я слышу.

Июнь 2004

Ты в отчаяние одета.
Я в терпение одет.
Ты пошли мне лучик света.
Я приду на этот свет.

В доме блочном среди окон
Отыщу твое окно.
Цвета позднего барокко
Будет налито вино.

Сядем тихо,
близко — близко.
Перекрестье наших глаз —
Двусторонняя расписка,
Всепрощающая нас.

И черемуховый вечер
Будет ластиться к ногам.
Я твои нагие плечи
Даже ночи не отдам.

Ты зажгла мне лучик света.
Я пришел на этот свет.
Ты в мою любовь одета.
Я в твою любовь одет.

Май 2004 г.

Кто обещает,
Что обещается —
Не возвращает,
Не возвращается.
Я уезжаю.
Губы сольются...
Не обещаю —
Чтобы вернуться.

Октябрь 2004

Твое пустое «быть — не быть»,
Как надоевшая икота.
По мне уж если полюбить,
То просто так, а не за что-то.

Измена нравов — это брат,
Не безобиднейшие штучки,
Когда попросят невпопад
Презанять им до получки.

Есть в смене нравов
горький тлен,
Где вот такая перемена,
Из существующих измен,
Наиглавнейшая измена.

Возможно ль (не могу понять)
Не изменяя — изменять?
О, времена и эти нравы...
Мне не найти на них управы.

Февраль 2004

Сказал: «Через час!.. —
И не еду. Звоню: «Я застрял в БТИ...»
И словно ищейки по следу,
Крадутся сомнения твои.

Конечно, конечно, родная,
Право ты, стократно права.
Уж если любить — доверяя,
Иначе напрасны слова.

Но ты, словно белка, фисташки
Грызешь и воротишь свой нос...
Какие такие ромашки
Тебе я вчера не принес?

Февраль 2004 г.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Нам обещалось звонко петь
Отлаженными голосами.
Но сентября сквозная медь
Случайно пролилась меж нами.
Случайных встреч, случайных уст,
Дыханий стынущих случайность,
И хрупкий отдаленный хруст
Сердец, надломленных нечаянно.
Листвой аллеи занесло.
Ничья ты вновь и вновь ничей я...
Как незаметно развело
Нас то случайное сечение.
И в этом есть моя вина,
Что навсегда умчалось лето.
И даже даль отдалена
Случайною полоской света.

Январь 2004 г.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Этот долгий разговор
Сам себе и то наскучил,
Как дремавший до сих пор,
Наконец заснувший кучер.
Мы сидим. Колеса слов
Скрип да скрип в своих ухабах,
И телега седоков
Неуклонно валит набок.
Кто и что там разберет,
Отчего так глупо вышло,
И куда нас это «дышло»
Незаметно повернет.
...Разговор в ночном фойе.
Все скрипит, скрипит телега,
Увозя по колее...
Мне родного человека.

Январь 2004 г.

Останешься — останусь.
Уйдешь — и я уйду.
Подобный океану,
Верну свою волну.
Чтоб отступив меж нами
И затаившись, вдруг
Обрушиться цунами,
Сметая все вокруг.

Февраль 2004 г.

Опрокинут лес вечерний
в чуткий сон реки.
Уплывает по теченью
тень твоей руки.
Мы сидим в лучах заката
на краю воды.
Облака бредут куда-то -
на краю беды...
Что-то тайное открылось —
сразу не пойму...
Но легка твоя бескрылость
сердцу моему.

Январь 2004 г.

Не ищу причин.
И не пью вина.
Просто я один.
Просто ты одна.

Льет весенний дождь
На постылый снег,
На сиротство роц,
На притворство век.

Горизонт дугой
В рот набрал воды...
Просто я другой,
И другая ты.

Март 2004 г.

Что толку сетовать теперь.
Легли внахлест две наши тени.
Скрипит на выход моя дверь
С предощущением потери.

Слепой судьбы — слепой укор.
Ничья вина — в ничейном споре.
Лишь запах тонкий (до сих пор!)
Духов
в пустынном коридоре...

Несоразмерность бытия —
Что геометрия простая,
Где расстоянье «ты» и «я»,
Похоже, не всегда прямая.

Февраль 2004 г.

СЛУЧАЙ В МЕТРО

Поезд в подземное мчался нутро.
Ветка металась.
Плакала женщина в тусклом метро..
и улыбалась.

Краешки губ убегали наверх,
слезы — навстречу.
И зарождался их сомкнутый бег
смутною речью.

Поезд буравил кромешную мглу
грудой вагонов.
Плакала женщина в тусклом углу,
словно икона.

То, что по легкой я вере своей
принял за слабость,
То мимолетной улыбкой теней
ей не являлась.

Поезд летел. И под скрежет колес
ветка металась.
Плакала женщина в росчерках слез..
и улыбалась.

12 января 2005 г.

ПОД СЕНЬЮ ЛИСТОПАДА

В мелькающей толпе,
Под сенью листопада,
Не думай о себе
И обо мне не надо.

Уйди в конец аллеи,
Присядь на край скамейки,
Где кроны тополей
Подстрижены по рейке.

Где мокрый тротуар.
Озябший, все охотней
Спешит через бульвар
К ближайшей подворотне.

Не доверяй ему —
Останься одинокой
В осеннем терему,
Притихшим над дорогой.

Зашедшая извне,
Сокрытая от взгляда,
Не думай обо мне
И о себе не надо.

Сентябрь 2004 г.

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Помнишь...
(Вижу по лицу я)
Тот осенний звездопад.
Нашим первым поцелуем
Любовался сонный сад.

Лист кленовый, лист багряный...
И кружился по селу
Самый долгий,
самый пряный,
самый сладкий
поцелуй.

Сентябрь 2004 г.

ГРОЗА

Я, уходя, не говорю,
Что по тебе не буду плакать.
Я подниму лицо к дождю,
Шагну в нагрянувшую слякоть.

И город, залитый водой,
Моей потери не заметит,
Всерьез напуганный грозой,
Достигшей кризисных отметин.

Я в небо проглядел глаза:
По ком рыдала та гроза?

Сентябрь 2004 г.

Смертоносное жало тая,
Ты изгибами стройного тела,
Все тянулась ко мне, как змея,
Что подолгу и вдоволь не ела.
И лицо, источавшее милость,
Тайно лживой улыбкой змеилось.

...Сладострастное пиршество уст.
И объятья до стога, до хруста...
И мгновенный змеиный укус,
И предсмертная хватка мангуста.

Июнь 2004 г.

НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Сквозь июль, с авоськой снеди,
С ощущеньем детских лет,
На одном велосипеде
Катим в розовый рассвет.

Твои волосы под ветром
Оплетают мне лицо.
Мы одним квадратным метром
Оседлали колесо.

За мгновенье до падений,
Дорогая, дуй не дуй,
На ушибленном колене
Мой зардеет поцелуй.

В этом казусном крушенье
Нет твоей прямой вины.
Были правила движенья
Мною не соблюдены.

Затерявшись в сонном лете,
Из авоськи съев обед,
Мы довольные в кювете
Чиним свой велосипед.

Тратим времени излишки
На сплошные пустыки:
Пересчитываем шишки
И в придачу синяки.

Июнь 2004 г.

К ЖЕНЩИНАМ

На святых и неверных
Не делил, не делю.
Всех желанных — от первой
До последней люблю!
Дар любимых — не слишком,
(Сам дарил и дарю),
Говорил и мальчишкой,
И сейчас говорю.

Март 2005

Косяковой А. А.

Господь, дай женщине моей,
Ее грехи отмолены
Печальным кликом журавлей
В осеннем небе родины,

Дай, претерпевшей ей, тепла
Вдали от одиночества.
Дай ей того, кого ждала,
Надеясь на пророчества.

И в милосердии своем,
Когда судьба заропщет,
Дай ей терпенья жить вдвоем,
Когда оставить — проще.

Не для себя прошу, лишь ей
Которой дни завещаны,
Любви дай женщине моей
И счастья — просто женщине.

Февраль 2005 г.

В тебе стелает груз вины к словам,
Которые могла, но не сказала,
К моим, тобой покинутым, губам,
Которых ты давно не целовала.

Стелает груз беды, судьбу кляня,
Спрессованный бетонными стенами.
И нами не рожденное дитя
В тебе осколком нежности стелает.

...Любимая! По нам с тобой поплачь.
Впервые твоему поверив плачу,
Когда секиру вознесет палач,
Я первый свою шею обозначаю.

Февраль 2005 г.

Их бед семейных череда
достигла пика.
Злость притаилась. И тогда
вдруг стало тихо.

Качнулись шторы,
и в разрез проник
луч света,
Скользнул в ладонь, наперевес,
комочек лета.

И ближний лес тугой листвой
обнял фасады.
И облака над головой
поплыли рядом.

И в океанах острова
соприкоснулись.
Не долетев к сердцам едва,
застыли пули.

И ледяные полюса
прижались к югу...
И улыбнулись два лица
тепло друг другу.

Январь 2004

Жара. Июль. Зной тащит волоком
Одеколон моих одежд.
И неба раскаленный колокол —
Как обещание надежд.

Свидание. Ромашек клумба
Зажата намертво в горсти.
Иду к тебе — Патрис Лумумба,
Или, верней сказать, — почти.

Иду, черчу ногами графики
По ватману пустых дворов.
В таком наряде принцем Африки
С гобой рядом быть готов.

Ну вот и место наших встреч.
Стою в тени колонны здания.
И вижу... глянец твоих плеч
Прикрыл рукой «наследник Дании»

Как ты могла!? Имей в виду
(Летит к ногам ромашек клумба),
Что завтра я опять приду
С неотвратимостью Колумба!

Январь 2004 г.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Две женщины встретят меня у ворот,
Проводят в избу и посадят у печки:
Одна с молодыми бровями вразлет,
Другая с глазами застуженной речки.
Две женщины встретят меня у ворот,

Две женщины выставят снесь предо мной,
Нальют в два стакана граненых настою:
Один, до краев, будет с мертвой водой,
Другой, в половину — с живою водою.
Две женщины выставят снесь предо мной.

Две женщины молча мне справят постель
В двух темных углах задремавшей
избушки:
Одна изголовьем — на стылую дверь,
Другая — к иконам, над срезом подушки.
Две женщины молча мне справят постель.

Две женщины выйдут меня провожать
В морозное утро, в дорогу, по чести:
Одна меня в губы начнет целовать,
Другая мне спину три раза окрестит.
Две женщины выйдут меня провожать.

Февраль 2005 г.

III

РЕКА СУДЬБЫ

Я в этой жизни волен
Кружить не «по резьбе».
Я в этой жизни воин,
Воюющий в себе.

Как всякий смертный — грешен
Одной виной за всех.
Во мне судьбой замешан
Весь первородный грех.

Я в этой жизни — слева,
И справа — тоже я.
Как с трещиною древо,
Скрипят мои края.

Во мне во время славы
И в горечи утрат
И правые — не правы,
И левые — ловчат.

Я в круговой осаде,
На стыке двух веков,
И спереди и сзади —
Под острием штыков.

Октябрь 2004 г.

Все откричит, отплачет и отнюет.
И лягут в ножны потные клинки,
И за дверьми в житейском перегнуе
Начнут возню навозные жуки.

Все засмердит, зачавкает, затлеет.
Покинут русла воды гордых рек,
И где-то на заброшенной аллее
О тень свою споткнется человек.

И журавли потянутся к чужбине,
И вслед рука отмашет им легко,
И лучший друг меня тогда покинет.
И я покину друга своего.

И путь мой смертный будет прост
и ясен..
Но я ведь не сказал, что я согласен.

Сентябрь 2004 г.

Дитя любви в руках лопочет
Счастливой матери своей
О чем уста его пророчат
В грехопаденьи наших дней?

Всего — то робкий детский лепет,
В прожилках девственный висок...
В таинственный приводит трепет
Грома затмивший голосок.

Ведомый чьим — то тайным зовом,
Он рвет пылающий зенит
И грозным человеческим словом
Над мирозданием звучит.

Август 2004

На меня с броней глаз
Смотрит женщина любая.
Только дети всякий раз
Почему-то — улыбаясь...

К ним, не клятым за грехи,
Восседающим на троне,
Я несу свои стихи,
Возношу свои ладони.

Февраль 2005 г.

Не смотря на доводы
И потоки лжи,
Не спеши на проводы
Собственной души.

Пусть вокруг неистово
По душе скорбят,
Ты ее не списывай
В перечень утрат.

Уступи намеренью
Претерпеть до дна,
Где душа к бессмертию
Приговорена.

Июнь 2004 г.

Минераловодской школе №

По улице школьной пройду до конца
походкой неспешной.
Как будто мне кто-то подбросил свинца
в ботинки небрежно.

Почти тридцать лет не ступал на порог
родной своей школы.
Как долго я шел к ней в сплетенье дорог
сквозь веси и долы...

Все тот же столетний кирпичный фасад,
и двор, и ограда,
И дряхлый, напротив, печалится сад.
«Ну что ты... Не надо».

Я сам уж не молод, и мне ль не понять
земной твоей грусти.
Недолго осталось пух белый ронять,
жизнь скоро отпустит...

Привет, моя школа, мой первый звонок,
лист белой тетради.
Я помнил, спешил к тебе, как только мог,
свидания ради.

Позволь побродить в коридорах твоих,
под сводами зала...
Куда ж вас, ровесников шумных моих,
судьба разбросала?..

Пора уходить. Мне идти до конца
по улице школьной,
Не отнимая ладонь от лица
непроизвольно.

Май 2004 г.

ЦВЕТА ВОЙНЫ

Победный цвет
за много лет
Не потускнел в деталях:
Он в кителя отцов одет
И в перезвон медалей.

А есть иной,
и под ногой,
Темна земли палитра:
Полита кровью и слезой,
Могилами изрыта.

И этот горько-черный тон
Дороже золота погон.

Январь 2004 г.

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Памяти Ал. Михайлова

Какая грусть в означенном исходе,
Неведомая горечь до поры...
Какое поколение уходит,
Переселяясь в высшие миры.

Уходит, понимая круг суженья,
И потому, собрав остатки сил,
Оно выводит нас из окруженья
По азимутам собственных могил.

Выводит нас, рассеянных шрапнелью,
Уже готовых сделать шаг назад,
Под вражеской свинцовой метелью
Врастая в свой последний Сталинград

Им, не живым уже, еще не мертвым,
Был нестерпим очерченный тот круг.
И оттого победно было твердым
Рукопожать старческих их рук.

Им — уходить, нам — жить и оставаться:
Дарить цветы и губы целовать,
Но каждый раз отчаянно пытаться
Последнюю траншею удержать.

Январь 2004 г.

Месяца меня листают,
И построчно строят в ряд...
Обо мне еще не знают,
Но узнав — заговорят.

Равнодушный к славе, лести,
Не топил я жизнь в вине.
Мне приятно быть на месте,
Предназначенном лишь мне.

Пусть уже не очень молод,
(В лихолетье — пригожусь),
Меня выпестовал город —
Всеми окнами на Русь!

Тенью в городе мелькаю.
Всем прохожим ворожу:
Встанет — вместе зашагаю,
Сядет — рядом посижу.

«Почитать стихи?» — Уважу.
От своих секретов нет.
Не обижусь, если скажут:
«Ну какой же ты поэт...»

Февраль 2004

ПОЭТ

Его огнем пытаются иноверцы
К забвению обрекает свой народ
За то, что его раненое сердце
Жить на земле спокойно не дает.

Январь 2004 г.

В ТТУШКИНСКОМ МУЗЕЕ

Поэта лицо на портрете,
Под сенью лиловых гардин.
Зачем ему зрители эти,
Когда он так честен один?

Портрет в небогатой оправе
Коротким пространством объят.
Куда? На кого он направил
Уже холодеющий взгляд?

Но вот и по глянцу паркета
Прошлась безутешная шать...
И сияются рамки портрета
Поэта в себе удержать!

И тянется ручка к бумаге.
Былые заслуги — не в счет,
Когда он в посмертной рубахе
Сквозь шумную залу идет.

Февраль 2004 г.

ПАМЯТИ ПОЭТА

...Я жить и мыслить устаю...

Вас. Федоров

Ессентуки прощальный свет
Ему дарили в год печальный.
Он, божьей совестью поэт,
Не мог жить дальше
от отчаянья.

Я это видел по глазам,
В их всепрощающем разрезе.
Он уходил из жизни сам,
А не от вороха болезней.

Да как он вынести — то мог
Такую тяжесть в лихолетье.
От ста тревог,
от ста дорог,
До двух гвоздик на постаменте...

Мы разминулись с ним на срок
В три непохожих поколенья.
Но заготовленные впрок,
Во мне горят
его поленья.

Февраль 2004 г.

Стихи, страницами шурша,
Едва коснутся уха,
Но слышит первою душа
Трикосновенье звука.

Она одна, из этих двух, —
(Сказать я в праве это)
Имея безупречный слух,
Имеет власть запрета.

Без ощущения вины,
Что естество нарушил,
Пишу стихи — мне не нужны
Мои глаза и уши.

Февраль 2004 г.

С привередливым клеймом
Мне досталось одиночество.
Вдруг ему во мне самом
Меня видеть не захочется?

Вдруг предъявит мне счета
На казенное имущество —
Будто я его всегда
Заставлял собою мучиться.

Как мне с ним себя вести,
Как мне эту ношу вынести?
Или сжать себя в горсти,
Или просто надух вытрясти?

Февраль 2004 г.

Это неправильно,
скверно
и худо:
Жить и не верить
в возможное чудо,
Не просыпаться
в безумном бреду -
Преодолею,
достигну,
найду!..
В вихре отлетов,
отъездов,
отплытий
Не потеряться
листочками убытий,
Не наплевать
на все эти
потери,
Не преуспеть
в торжествующей вере:
Там, за распластанной
грудой Америк,
Есть где-то мой
ожидающий берег!

Февраль 2004 г.

Я как-то праздно брел лесочком,
Шаля рифмованною строчкой,
Их отправляя наугад:
То вверх — в заоблачные дали,
Куда и птицы не летали,
Куда и сны не долетят.

То запускал (ищи — свищи...)
С беспечных губ, как из пращи,
За горизонты акваторий.
То словно кол, на всю длину,
Вбивал их с треском в глубину —
Завоевать рубеж историй.

А там, как рать, стоят века...
А мне чуть больше сорока...

Ноябрь 2004 г.

Июнь. Москва. Перерождение
Души,
природы,
естества.
Смешенье их и приближенье
До ощущения родства.
Все осязаю,
все объемлю
И, как дитя, рожденный вновь,
Все принимаю:
небо,
землю,
Свою мятущуюся кровь!

...Возможно, буду знаменит.
Ну а пока — ни сном, ни духом,
Мое тщеславие пылит
Под тополиным белым пухом.

Февраль 2004

Мне жить легко и чувствовать отрадно,
Как будто я, оставив жизни груз,
Однажды затерялся безвозвратно,
Как отыскавший Шамбалу индус.

Как старец, озираю мир с восторгом.
Все принимаю, всех за все люблю.
И радуюсь спешащему с востока
Еще едва родившемуся дню.

Мне время ворошить — что ворох листьев.
И, чуткому, мне явит благодать
Средь множества надменно-ложных истин
Одну, с которой можно умирать.

Из чрева мнимых «тихий» революций,
Как знамя на себе, я вынес стать,
Как хорошо вот так к себе вернуться,
Чтоб никогда уже не потерять!

Январь-февраль 2004 г.

Я видел — бабочка крылами билась.
В мое полуприкрытое окно.
И ничего, казалось, не случилось,
Но что-то между тем произошло.

В какой-то миг качнулись деревья,
И воронье с ветвей снялось в испуге.
И той волной сметенная листва
Собой заполонила все в округе.

Я только видел вихревой тот след:
Он оглушил, встревожил и умчался...
И только щит рекламный все качался
О вреде для здоровья сигарет...

Почти забылось. В блоке новостей
Давали скучно сводки о погоде,
О том, что в сфере метеострастей
Уже произошло и происходит.

И вдруг — о, боже! — холод по спине...
Уже постигнув смысл своей догадки,
Я узнаю — в далекой мне стране
Жестокий смерч навел свои порядки.

Потешился, оставив за собой
Руины ферм и вздыбленные реки,
Безжалостной, всеильною рукой
Все разметав в насильственном набеге...

А часом раньше — бабочка в стекло
Крылами перламутровыми билась.
И ничего, казалось, не случилось...

Февраль 2004 г.

Мне видятся часто
В заоблачных далях
Красивые люди
В мельчайших деталях.
В хрустальных домах —
Чертежи и лекала.
Там вина не пачкают
Стенок бокала.
Там бисером блещут
На стенах пистолы.
Курки взведены
Для приветствий, не боле.
Там в локонах белых
Красивые дети
Плывут меж домами
На звездном корвете.
Все громче их смех,
И полет их все выше.
Под розовым парусом —
Синие крыши!..
Очнусь — за окном,
Разъяренные глотки
У Господа требуют
Денег и водки.

Февраль 2004 г.

РЕНТГЕН

Раздет. Прижат. Запущен в сеть.
И результат — наружу.
Но и ему не разглядеть
Израненную душу.

Январь 2004 г.

ДУШЕ СВЕТЛО И БОЛЬНО

Настежь дверь —
Чтоб с петель вон!
Да в метель,
В собачий холод.
Да под вьюги смертный вой
Безутешной пятерней
Что есть сил рвануть за ворот!
Да еще, чтоб свет в глаза
От звезды, из круговерти,
Да горячая слеза
По щеке -- чтоб раньше смерти.
И еще осознавать,
Как душе светло...
и больно.
И, прощаясь, обнимать
Эту вьюгу...
И довольно...

Ноябрь 2004 г.

МЕТЕЛЬ

Я люблю, когда метель —
Грудь на грудь со снежным лихом.
В этом воинстве великом
Есть особый русский хмель.

Я люблю, когда метель.

Я люблю объятья зим,
Огоньки слепых околиц
И моление бессонниц
По ушедшим и живым.

Я люблю объятья зим.

Я люблю дорог тоску,
След саней в их долгом беге,
Тот, оставленный навеки,
Чей-то росчерк на снегу.

Я люблю дорог тоску.

Я люблю печальный звон
Скрытых мглою колоколен.
Не один в пути отмолен,
Им отпет и погребен.

Я люблю печальный звон.

Январь 2005 г.

РЕКА СУДЬБЫ

Течет судьбы моей река,
Вбирая жизни сроки.
Круты реки той берега,
Чисты ее истоки.
И не найти в том буйстве вод
Ни заводи, ни брода.
Гремят валы, за годом год
До смертного исхода.

Ноябрь 2004 г.

Мысли покинут легко мою голову
Без обещания встреч.
Как же вольготно держать ее голую
Станет для шеи и плеч.

Напрочь продутая ветром и временем,
С дуплами ждущих глазниц,
Станет она, как скворешня, под теменем
Крыльями хлопать ресниц.

Вот и пускай! Мне такую и надобно
На перекрестке веков.
Настежь,
намеренно,
набожно,
надолго —
Зимний приют для стихов.

Не попрошу я прощенья у разума.
(Я был с ним так одинок)
Надо бы, надо бы разум тот сразу мне
Вымести метлой за порог.

Сколько упущено мной и потеряно.
Сколько растрчено зря...
В тихом, покинутом мыслями тереме
Тихая всходит заря.

ДОМОЙ

Запер дверь. Шагнул во Двор.
Срезал наискось дорогу —
И соседи до сих пор —
Где? Куда? — понять не могут.

Вроде был. Кивал в ответ,
И одет был по погоде.
Обыватель средних лет
Домосед, в житейском роде.

Дом оброс людской молвой.
Слухи шастают по крыше.
Человек из дома вышел...
И отправился домой.

Ноябрь 2004 г.

Я ВИЖУ ВАС.

Р. Н. Котовской

Я вижу Вас... Вы входите в мой дом,
Неловко задержавшись у порога.
И нам легко и радостно вдвоем,
И мало слов... и сказано так много.

Я вижу Вас... Седую прядь волос
Отводите к виску библейской кистью...
Вы для меня моление берез,
Оплаканных октябрьскою высью.

Я вижу Вас..., Сидящей у окна,
С неясными, но теплыми чертами,
Как будто изнутри освещена
Душа, едва прикрытая холстами.

Я вижу вас... Построчный ваш уход
Мне обещает встречи в отдаленье.
Я вижу Вас..., в разрывах непогод
Молящейся строкою во спасенье.

31 октября 2004 г.

Опала красок мишура,
Все отдаленней глуше звуки.
Скользит встревоженный журавль
Над стылой заводью разлуки.

Прощай, зеркальный мой июнь,
Перебродивший медом август...
И мой, и мой расправлен парус,
Лишь только тронь, лишь только дунь.

В былые думы погружен,
Средь темных вод желтеет остров,
Как затонувший галеон,
Ветрам явивший древний остов.

Какие там цвели цветы!
Какие песни птицы пели!
Какие грозы там гремели
Над колыбелью красоты!...

Как запоздалый мой визит,
Свои раскинув крылья-руки,
Встревоженный журавль скользит
Над стылой заводью разлуки.

Февраль 2005 г.

Я никому и ничего не должен
На этом свете. После? Может быть...
И с этим заключеньем непреложным
Пытаюсь себя нового любить.

И суть не в том — я хуже или лучше,
Здесь вовсе не важна любая суть.
Запомните меня, на всякий случай,
Чуть не успевшим за угол свернуть.

Откройте мои ставни, окна, двери.
Ворвитесь в мой насиженный уют.
Там жители его, по крайней мере,
В распахнутые души не плюют.

И уходя, не поминайте лихом
И не клянитесь в дружбе сгоряча,
Пока горит в том переулке тихом
В моем окне зажженная свеча.

Сентябрь 2004 г.

В.Г. Бояринову

Я телефонному давно
Не доверяю проводу.
Мне проще заглянуть в окно,
Конечно же, без повода.

Взглянуть в глаза, пожать ладонь
Поэту, в самом деле.
А там хоть в воду, хоть в огонь,
Как простаку Емеле.

А если говорить всерьез,
По-русски, как положено,
Я знаю нам не хватит слез,
Нагрывших непрошено.

Когда строкою за строку,
Про душу — не иначе! —
Простак поверит простаку,
А это много значит.

Сентябрь 2004 г.

ОДА МОЛЧАНИЮ

Ночь. И около плеча
Тишиной мерцает бездна.
Я люблю, когда молчат,
Понимая бессловесно.

Гаснут поздние огни.
Спят и взрослые, и дети...
Мир вам, тихие мои,
Молчаливые соседи.

На краю земных тревог
Пусть над вами опечаленно
Скрытый сумраком пророк
Совершит обряд молчания.

Пусть, замедлив жизни бег,
На заре, неторопливо,
Самый близкий человек
Вас обнимет молчаливо.

...Только кто мне шлет в ночи
Позывные: «Не молчи?»...

Август — Сентябрь 2004 г.

Я знаю, что я в этом городе значу,
Когда в переулках заснеженных плачу
Под чопорным взглядом витрин.
Я знаю, какое из имени-отчеств
Одно из моих обрело одиночеств,
Во имя каких величин.

Мне ясно, зачем в кружевах листопада
Не надо смеяться — смеяться не надо,
И в грусти — есть выход душе.
Мне ведома радость негромкой печали,
Которую листья, опав, нашептали
В последнем своем вираже.

Мне очень нужны эти лица прохожих,
Чтоб важное что-то в себе подытожить.
(Так старец глядит в образа).
Пусть им до меня никакого нет дела,
Но как уж устроено — бренное тело
Глазами отыщет глаза.

Я знаю, что это нам необходимо,
На целую жизнь расходящимся мимо
Под чопорным взглядом витрин.
Прошу, не дождавшись ответного взгляда:
Не надо смеяться — смеяться не надо...

Февраль 2004 г.

КОНЕЦ БАРХАТНОГО СЕЗОНА

Море кромку тешит
Тенною волной.
Пляжей сонных плещи
Кротки под ногой.

Чаек немолчанье
Раскачало пирс —
Белое звучанье
Крепостных актрис.

Светлое безлюдье
Поредевших дней.
Волны на распутье
Мачт и якорей.

Мол, цепной дворняга,
Лает в грохот брызг.
Просолил бедняга
Свою душу вдрызг.

А по кромке лета,
Осенью шурша,
Паруса корвета
К пристани спешат.

Январь 2004 г.

МЕТЕЛЬ В АПРЕЛЕ

Город поверить не мог
В это коварство природы.
Занят без боя, врасплох,
Дерзким броском непогоды.

Поздняя пляска пурги,
Снег — в нарушение запрета.
Стало быть, ждать ни с руки
В гости нескорое лето.

Первая зелень травы
В холоде снежной оправы...
Как эти стебли правы,
Как эти вьюги не правы!

Скорбью аллеи полны.
Скверы тревогой объаты...
Позднее чувство вины
Невосполнимой утраты.

Февраль 2004 г.

ВСТРЕЧАЯ НОВЫЙ ГОД

ГРУЩУ О СТАРОМ...

О, как мы ждем тот светлый час с
надеждой: Курантов бой, бокалов полных
звон...

Как будто не обманывались прежде
В изменчивом радушии времен.

...Все пожелалось, принялось, подъелось,
Последний «флагман» бережно разлит.
Но на год погрузневшая вдруг зрелость
Нагрянувшей метелью отрезвит.

И вытолкнет за дверь, без денег, шапки,
Погонит по сугробам, где вдали,
Сигналя, милицейские «мигалки»
Покинутое счастье увезли...

Встречая новый год — грущу о старом,
О пройденном, о прожитом в пути.
О самом дорогом грущу, о самом,
Чего уже не будет впереди.

Октябрь 2004 г.

Мокрый октябрь занавесился тучами,
Но, несмотря на печаль,
Все-таки были, мы были везучими,
Пусть даже чуть сгоряча.

Ну а сегодня, грустны и простужены,
Тихо бредем вдоль аллей,
Как сухогрузы, зажатые лужами,
На маяки фонарей.

В нас ничего не осталось от удали
Прежней июльской поры,
Пришвартовали нас, дремой укутали
Пристаней наших двory.

Осень размыла дождями тягучими
Нашего времени счет:
С лета, в котором мы были везучими,
В лето, где вновь повезет.

Октябрь 2004 г.

За плетень рассвета
От осенней фальши
Убежало лето
От греха подальше.

Видели за речкой,
За скирдой высокой,
Жеребец с уздечкой
Проскакал осокой...

Не гоним, не прошен,
Сам промчусь над чащей...
Нет меня и в прошлом,
Нет и в настоящем.

Сентябрь 2004 г.

Ночь, прогнувшись тетивой
от излучья,
Посылает вслед за мной
полузвучья.

И летят они сквозь сны
и виденья
По законам тишины
одоленья.

Зреют, множатся, клубясь
от натуги,
Обретая смысл и связь
в каждом звуке,

Тяготенью вопреки,
силам прочим...
Так случаются стихи
среди ночи.

Март 2005 г.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ

БЛИЗ ВАГАНЬКОВО

Ох, хмельны в Московии,
Разудалы святки!
Кто не при здоровий —
Собирал манатки.

Остальные: ушлые,
В коммуналках битые,
Все устои рушили
Привозными битами.

Все козлами бляели,
Все мели метелками.
От души метелили
Половцев под елками.

Гусляры — кудесники,
И певцы — сказатели
Слали всех наместников
К их родной праматери.

Девки, пуще хахалей,
На девятом месяце
Призывали знахарей
За любовь повеситься.

Ели, пили шабашно
Импорты тлетворные,
Обещая набожно
Жечь дома игорные.

Десять дней, без малого,
Как один, без устали,
Над продуктом валовым
Измывались хрустами.

Лишь к концу, под соснами,
Может быть, под липами,
Мучались вопросами
И умнели всхлипами...

Февраль 2005 г.

Зацвели медоносы
От дождей и тепла.
На речные откосы
Полетела пчела.
Сердце стаяло в соты.
В теле трепет и сладость.
В заметельные годы
Мне уже не упасть...
И кукушка-вещунья,
Чтобы мудрой прослыть,
Из кудели июня
Тянет вечности нить.

Март 2005 г.

АРХЫІЗ

Э. В. Запорожченко

В шатре прохладных сосен,
В ногах у Морх — Сырты
Раскинут в вольной позе,
С туманом на груди.

Ему навстречу в брызгах,
Напористо дыша,
Спешит в соседстве близком
Шипящий вал Тсыша.

Красой благоговая,
Торжествен, как павлин,
Несет он важно веер
Распахнутых долин.

Чем выше — круче скалы,
И ярче блеск снегов.
Там грозные аланы
Прошли тропой веков...

Архызские вершины,
Вам доля на века:
Стеречь свои долины,
Беречь свои снега.

Февраль 2005 г.

СЕРЕНГЕТИ

Там зной звенит в тисках зенита,
Там сумрак прячет у реки
Неосторожные копыта
И остроножные клыки.

Там орды гну не знают плети,
А травы терпки и сочны.
Там гордый лев, зевая, метит
Полтерритории страны.

Там тишь не требует огранки.
В закатном мареве огней,
Легко представить плач тальянки
Далекой родины моей.

На все и вся есть воля божья,
И если верить небесам,
То где-то там, по бездорожью,
Господь, должно быть, бродит сам.

Там волен зверь,
народ,
их дети,
Под вольным ветром
Серенгети!

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

Скоро весна. Не готовясь,
Окна в себе распахну.
Царствуй, озябшая совесть
В долгом холодном плену!

Кончились игры «в подглядки»,
Зимний полон завершен.
Властвуй душа без оглядки,
Лезь на глаза, на рожон!

Пусть воронье оготело
Кружит в макушках дерев.
Действуй окрепшее тело,
Все испытанья презрев!

Не усомнившись ни разу,
Мысли отвагой полны.
Шествуй, воскреснувший разум,
По первостишьям весны!

Февраль 2004 г.

Какого надо мне рожна?
Чтоб воцарилась тишина.
Чтоб, потеряв опору, звуки
Осели в губы, тело, руки

И стали мерою длины
При диктатуре тишины.
Какого надо мне рожна?
Чтоб стала общею вина,

Чтоб можно было, не готовясь,
Явить другому честь и совесть
Не через раз, как дарят милость,
Как долгожданную повинность.

Какого надо мне рожна?
Какая мера мне важна,
Телами сдавленному туже?..
Они — нужны и я им — нужен,
На этот малый дюйм длинны,
В протекторате тишины.

Январь 2004 г.

Меняясь — не менялась,
Сомнения круша,
Как рукопись версталась
Во мне моя душа.
К себе топила жалость,
Сквозь правки, самосуд,
Ни в чем не унижалась —
А вдруг не издадут?
Жила себе жила,
Лелея грусть и ярость...
Вот так и расцвела,
Вот так и состоялась.

Май 2004 г.

И с белой метой дни мои,
И с черной метой.
И мне не съехать с колеи
Ни с той, ни с этой.
Переплелись, за валом вал,
Тропа, откос ли...
За перевалом — перевал,
И до и после.
Ни дней, ни лет своих не жаль
В тех колеях, без фальши.
Лишь только б даль сменяла даль,
С которой манит дальше.

Май 2004 г.

Лишь запаха,
виденья
полусна.
Не поцелуя —
губ к моим прижаться.
Когда наитьем определена
Ладонь среди прочих,
для рукопожатья.

Лишь отголоска,
отсвета,
кивка.
(Еще не дружба,
но уже не бремя).
Тугого дуновенья у виска,
Мгновенья,
обессмертившего время.

Лишь памяти,
лишь веры,
лишь судьбы:
Без окрика,
без фальши,
без огляда.
Да женщины моей
у городьбы...
Мне, в сущности,
другого
и не надо.

Февраль 2005 г.

Звоните мне, пишите.
«Трубою хвост держите».
Не верьте, если вдруг
Вам скажут с перепугу:
«Ни слуху, мол, ни духу...»,—

Про мой державный дух.
Гоните к черту слухи,
Что льнут к ушам, как мухи,
Прилипчиво кружа.
Я рядом. Мне известно:
Есть в каждом это место
по имени — душа.

Шестою частью суши
Заполню ваши души.
Дыши вовсю, коль дюж!
Дыши! И спазмы в глотке
Снесут перегородки
Отдельных ваших душ!

Звоните мне,
пишите...
Дышите мной,
дышите...

ИЗ КНИГИ
«ЗА КРОМКОЙ ТЮКОЯ»

I часть
ДЕВОЧКА РУСЬ

Русь люблю. За что? Не знаю.
Этой думы не унять.
Ничего не понимаю,
Что хотелось бы понять...

За погост, за дух, за память,
За полки в шелках знамён,
За рождённое губами
Величание имён.

За медовую начинку
К гостевому пирогу.
За поречную песчинку,
Прикипевшую к виску.

За поклон, запев по кругу,
Плат, почивший на плечах.
За потеху, за поруку,
За печалинку в очах.

За порог шагну — до краю
Только Божья благодать!..
А за что — не понимаю.
И не надо понимать.

Март 2007 г.

Манит ягодой спелую
В луговине река.
Ослепительно белые
Надо мной облака.

Здесь, за тайными стёжками,
Вдоль капризных излук,
Деревянною ложкою
Меня кормишь из рук.

Здесь, по краю болотины,
В пышно-травном хмелю,
Имя сладкое Родины
Я губами ловлю.

Июль 2006 г.

Зорька по полю плывёт
В сонной лодочке.
Вжик! — косарь траву кладёт
На пригорочке.

Виснет клочьями туман,
Пьяный соками,
Стелит бороду в дурман
Над осокою.

Заплетаются лучи
В косу длинную.
Полыхают кумачи
Над долиною.

Над рекой скрипит паром —
Богу молится.
Между худом и добром
Русь покоится.

Май 2007 г.

ДЕВОЧКА РУСЬ

Радуга упала
В розовую тишь.
Ядрами опала
На меня глядишь.

Лён приглажу чёлки,
Пряди вороша.
У моей девчонки
Звёздная душа,

Бархатная строгость,
Ситцевая статья.
До земного срока
Краше не сыскать.

Горькая услада.
Розовая тишь.
Ничего не надо,
Когда ты молчишь.

Июль 2006 г.

Дочери Ксении

Беру тебя на руки
и несу.
Все запахи и звуки —
на весу.
Все радости и горести —
не счесть,
Несу с добром, по совести,
как есть.
Легко моё дыханье,
лёгок шаг.
Я сам у мирозданья
на руках!

1987 — август 2005 г.

Угодно чертой горизонта
Отсечь опостылевший быт.
Быть выстрелом, линией фронта,
Живыми и мёртвыми быть.

Угодно любить всепогодно.
В сплошном окруженье невзгод
Угодно быть бесповоротно
Счастливым на сутки вперёд.

Угодно, чтоб выгнутый плотно,
Мой парус летел над волной.
Угодно поверить охотно,
Что он не разлучен со мной.

Угодно, угодно, угодно
Мне, знавшему всё наперёд,
Послушником, не принародно
Молиться за русский народ.

Май 2007 г.

Моему отцу, ветерану войны, посвящается

Голова запорошена,
Бродит в теле свинец.
Помолись на хорошее,
Не убитый отец.

Жить вам было не велено
И кружит вороньё,
Где навывлет простреляно
Поколеньё твоё.

Тает слёзною влагою
Твоя грозная даль.
Веет прежней отвагою
«За отвагу» медаль.

Вновь над нами непрошено
Реют сполохи бед.
Так хотелось хорошего...
А хорошего нет.

Вновь гремят эшелоны,
Вновь полно воронья,
Где мои батальоны
Просят, просят огня..

ПЕХОТА

Свинцовый дождь обрушился из дота.
И вот летит в сентябрьскую грязь
Четвёртый день не жравшая пехота,
Последними словами матерясь.

В том доте Ганс, должно быть,
лопал шпроты
И срыгивая, требовал компот.
А здесь, в грязи, ошмётки третьей роты
Стальным горохом сдабривают рот.

«Ах, мать твою! Дай мне гранату, зёма,
Я накормлю гостинцем эту мразь»...
А тот молчит в веснушках чернозёма,
Прострелянным виском оборотясь...

Четвёртый год ползёт в грязи пехота.
Четвёртый год берёт за дотом дот.
И знает тот, хваленный Ганс из дота,
Что он живым из дота не уйдёт.

Май 2007 г.

АТАКА

Пропел снаряд. Качнулись деревья.
Под сапоги скатилась голова:
С височной жилкой гулкой голубой,
Вчерашнею щетинкой над губой,
Потешной чёлкой, впадинами щёк,
С глазами изумлёнными ещё.

Ещё всё то, что от неё осталось,
Махало рукавами, спотыкалось,
Сползало под накаты блиндажа,
Заполненными лёгкими дыша,
Пружинило на мускулах, хрипело,
Не верило,
не свыклось,
не хотело,
Чтоб на него, прикладом опершись,
Карабкалась на бруствер чья-то жизнь!

Май 2007 г.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Заполнен зал. С цветами дети.
Речист румяный депутат:
«За всех погибших мы в ответе», —
Слова оратора звучат.

«Не гоношись, не в кабинете, —
Встал ветеран, одёрнув прыть, —
Не вам, просравшим всё на свете,
Здесь о Победе говорить!»

Сказал, как будто бы дослал
Снаряд в свою «сорокопятку»,
И бронебойный тот металл
Вонзил в чиновничью сопатку.

И оглядев оглохший зал,
Присел на ближний подоконник,
Пока чиновник вылетал
Сквозь дверь, как гильза
сквозь «казённик».

Май 2007 г.

Ещё тепло весны в отъезде.
Но вдоль сугробов, там и тут,
На Дубосековском разъезде
Тюльпаны красные цветут.

Цветут. Колышатся под ветром,
Не нарушая алый строй.
И пахнет выстуженным фетром,
И отсыревшею махрой.

Я соберу их в жаркий ворох.
Но только лишь рукою тронь
И опалят они, как порох
Неосторожную ладонь.

Они из той небесной квоты,
Забуть которых, не смогу...
Мальчишек маршевые роты
На Дубосековском снегу.

Декабрь 2007 г.

ПОГОЖИЕ ДНИ В МОСКВЕ

Заслоны смяли. И вошли.
Углы обшарили. И встали.
Металл останкинской иглы
Блестит клинком дамасской стали.

И каждый двор, и каждый дом
Спешит с лотками подношений.
И тянет с Яузы дымком
Уже остынувших сражений.

Гуляет рать. И солнца блин
Шипит в небесной сковородке.
И над развалами витрин
Румян купец, и дамы кротки.

Танцует осень, сбросив стыд,
Вся в лоскутах цыганской страсти.
А в волосах её горит
Пожар уже недолгой власти.

Иная дышит в спину рать.
Коней загнавшие уланы,
Трубят в рожки, копытят гать,
Гремят в литые барабаны.

Недолг танец. Близок час,
Когда за ближним поворотом
Седой зимы иконостас
Повеет упряжью и потом.

Но это после. А пока
Ликуй, Москва, красой червонной,
Прикрыв дебелие бока
Своею древнею попоной!

Октябрь 2005 г.

Заждались. И однажды в ночь,
Самой себе уже наскучив,
Явилась, взбалмошная дочь,
И улеглась в сугробов кучи.

Под утро царственный мороз
Устроил смотр царёвой волей,
Паля над кронами берёз
Из залежавшихся пистолей.

Мундиры ясеней горят,
Парчой серебряной застелены.
И пики кованых оград
Снежком кокетливо отбелены.

Особняков надменный строй,
Пыхтя одышкою парадных,
Кичится древней стариной
И сонмом летописей ратных.

Крепчай, мороз. Мети, метель.
Сверкай в своём убранстве, иней.
Кружись, столицы карусель,
В тутом переплетеньи линий!

Трещи по швам, небесный свод,
Просыпь все таинства погоды
На православный крестный ход
Её величества Природы!

Ноябрь 2007 г.

Дымится хлеб печёный.
Горят румяна щёк.
И крест позолоченный
Несёт хмельной дьячок.

На площади вокзальной,
В скрещении дорог,
Почти провинциальный
Гуляет городок.

Девахи под «Калинку»
Кадрятся на авось,
С Иванами—в обнимку,
С Давидами — поврозь.

Берёз покинув кроны,
Поверх земных оков,
Соборятся вороны
Над сонмом куполов.

Малому — пряник в руки,
Негожему — картуз,
Молодке, от разлуки, —
Две нитки алых бус.

И мне к дороге дальней,
(Любава не горюй)
Почти провинциальный,
Прощальный поцелуй.

Декабрь 2007 г.

ДОМ РОСТОВЫХ

1. Осень

От засилья осени
Липы листья сбросили
И в туманной сырости
Спрятали стволы.
Сумерками липкими,
Золотыми слитками
Стылый ветер выстелил
Пёстрые ковры.
Лев Толстой украдкой
Шелестит тетрадкой,
Правит пришедшей осени
Сбивчивый роман.
Дымом увядания
Блекнут своды здания,
Кутаясь простужено
В старенький кафтан.
Постою, послушаю...
Меж творцом и сушею
Только строки бранные
Сквозь меня летят.
Вихрями наклонными
Вьются над колоннами
И куда— неведомо

Мчатся наугад.

2. Зима

Пустынный двор к окну прилип,
Перемешав эпохи, стили.
Вокруг скрипучих старых лип
Седые сумерки сгустились.
Кряхтит заснеженный карниз,
Не по годам ему опала.
Глядят печально сверху вниз
Глазницы ржавого металла.
На холки сизых голубей
Швыряет ветер злую замять,
Из-под насупленных бровей
Перебирая их глазами.
Мне дорог этот неуют.
Смотрюсь в стекла отображенья,
Как сонно голуби клюют
Моё земное отраженья.

3. Весна

Зима бежала, подобрав подол,
Пыля последней мокрою порошей.
И Лев Толстой, покинув свой престол,
Шёл через двор с улыбкою хорошей.
Букет мимозы теплился в руке.
Он прижимал его к своей рубахе.
А следом на незримом поводке
Брели за ним окрестные собаки.
Весь дом в испуге замер и затих,
Когда он лоб крестил перед парадной,
Просил за всех у тамошних святых
И, отмолившись, шествовал обратно,
Отказываясь верить наотрез,
Что Бог из нашей совести исчез.

2005—2006 гг.

МАДЖОРДА

(Курорт на побережье Индии)

Волны с размаху диктуют аккорды
пеною нот.
Чаяк над пляжами знойной Маджорды
гордый полёт.
Белые брызги, белые зубы,
белый песок...
Нежно целует в солёные губы
смуглый Восток.
«Эй, на баркасе! Возьмите матросом,
парус по мне».
Мы поплывём к белоствольным берёзам
в снежной стране.
Белые храмы, белые срубы...
Я не вернусь.
Крепко целует в метельные губы
Белая Русь.

Июнь 2005 г.

ТАЁЖНАЯ ПЕСНЯ

Я наметил свой маршрут,
Где меня навряд ли ждут,
Но где так, на всякий случай,
Под метель лучину жгут.

Будут дальними пути.
Почтальонам не найти
Адресов моих таёжных,
Заплутавших позади.

За метелями весна
Разогреет, докрасна,
Щёки гордых сибирячек,
Загулявших допоздна.

Я поправлю поясок.
За деревней есть лесок.
Может быть, и мне навстречу
Прозвенит их голосок.

Заполошные ручьи
Пробудили кедрачи.
Приезжайте на побывку
В край сибирский, москвичи!

Без оглядки на года,
Приезжайте иногда
Посмотреть, как над тайгою
Всходит ранняя звезда.

Февраль-март 2006 г.

ПОМОРЫІ

По веленью Калиты
Корабелы
Слали белые ладьи
Морем Белым.
Дули щёки паруса,
Что есть мочи,
И стекали по усам
Пены клочья.
Пахло мёдом и пенькой,
Да мехами,
Да моржовой требухой
Под ногами.
Были те купцы в подбор,
Словно колья,
Всяк потомственный помор
С Беломорья.
Пели песни удальцы,
Рвали струны.
Сами были и жрецы,
И Птеруны.
В пляске кренилась корма,
Вились стяги.
Отпирали закрома
Им варяги.

Выносили воск, угрей,
Ус китовый,
Приводили дочерей —
Взгляд бедовый!
...Славны были времена
Тех событий.
Славны были имена —
Не забыть их.
Облака плывут вдали
Чередую,
Словно белые ладьи
Над волною.

Октябрь — декабрь 2005 г.

ЕНИСЕЙ

КОНЕЦ НАВИГАЦИИ

На Елисейских — дождь осенний.
Скучает в Риме Колизей.
А сухогруз «Сергей Есенин»
Утюжит килем Енисей.

Четвёртый день ни сна, ни края.
Согласно шквалу непогод,
Сибирской удалью играя,
Волна волну швыряет в борт.

«Всё думал, напишу стихи я,
Иль очерк там, в печатный лист,
А тут такая, брат, стихия!» -
Мнёт шевелюру журналист.

Скрипит под грузом в трюмах днище,
И вторит вахтенный старпом:
«Река-рекой, а тут — речища,
К тому же явно с огоньком».

Распределив досуг на пары,
Поклонники суровых стран,
Сидят на бакенах гагары.
(Должно быть, скоро океан).

А значит порт, причалы, доки,
Гудки полуночных судов,
Где с каждым днём протяжней вздохи
Спешащих с севера снегов.

Ноябрь 2006 г.

ЗАПОЛЯРЬЕ

Ждите меня, я приеду,
Сам ли, с хорошим ли другом,
В лодке по лунному свету,
В гости к моржам и белухам.

Будут качаться, как бриги,
Белые ночи на рейде.
Буду по лоцманской книге
Дальними странами бредить.

Строгое небо и строгий
Свет сквозь налипшие тучи.
Это не здесь ли о Боге
Кто-то сказал: «Всемогущий!».

Встретит солёное утро
Зябкой дремотой причала.
Краешек света кому-то,
А для кого-то — начало.

Октябрь 2005 г.

Жар рябиновой грозди.
Холод мраморных плит.
На изрытом погосте
Плачет осень навзрыд.

Обозналась в минувшем,
Заблудилась... И вот
Горько плачет, уткнувшись
В пиджака отворот.

Я листву ей поглажу,
Трону ветку рукой,
Отыщу ей пропажу
За туманной рекой.

Будет всё, как в начале,
Будет всё, как в конце.
Будет радость печали
На суровом лице.

Январь — март 2006 г.

ЗАПОЗДАЛЫЕ СТИХИ

Памяти матери

Ветра шум подобен плачу
В жёлтом бархате берёз.
«Здравствуй, мама, я не прячу
От тебя невольных слёз».

Над твоей гранитной тумбой,
С покаянной головой,
Говорю тебе: «Не думай,
Не такой уж я плохой».

За постройками вокзала
Счастья нет и славы нет.
Ты одна на свете знала,
Что душою я поэт.

Отвори ворота рая,
Вдаль взглядишь из-под руки.
Я привёз тебе, родная,
Запоздалые стихи.

Не держи меня, ограда,
И скамья — не обессудь.
Знаю, мама будет рада
Пожелать земной мне путь.

«До нескорой,— скажет,— встречи»
Улыбнётся мне вослед.
Спрячет худенькие плечи
В неказистый старый плед.

Ей — пути, а мне — дороги,
Правда сёл и ложь столиц.
И летящие под ноги
Строки будущих страниц.

Октябрь 2006 г.

РУССКАЯ ВДОВА

Всю ночь она рыдала в голос.
А утром избу подмела
И волосы свои, по пояс,
В тяжёлый узел собрала.
И молча двери отворила,
Не глядя, вышла на крыльцо.
А там... земли целебной сила
И солнце щедрое—в лицо.
И ближний дол, и даль Отчизны,
Врежён связующая нить...
И поняла она, что в жизни
Ей есть кого ещё любить.

2004—2005 гг.

ОКРАИНА

Вдоль опушки — колея.
За лощиною — проталина...
Береги себя, моя
Терпеливая окраина.

Церковь. Звонница. Река.
Под крестами дремлют холмики.
В низком небе облака
Проплывают, как паломники.

Вольно ветру и душе
От давно забытой вольницы.
Я, не узнанный уже,
У родной стою околицы.

Вечереет. За грядой
Тлеют мартовские дали.
Пусть поврозь, но мы с тобой
Холода отзимовали.

Вспыхнет в окнах огонёк.
Опалит в груди окалина...
Береги себя, окраина.
Я себя вот не сберёг.

Август 2005 г.

Денег и славы—досыта...
(Каждый — во что горазд)
Я же прошу у Господа
То, что он вам не даст.

Долгого, не великого
Эха безвестных мест,
Где за речными бликами
Дремлет село окрест,
Жмётся к избе поленница,
Греет под солнцем бок.
Где даже тучка ленится
Вымочить пыль дорог.

Где над обрывом клонится
Ивы седая прядь.
Где за чертой бессонницы
То, что нельзя отдать.

Ноябрь 2006 г.

ТИХАЯ ПЕСНЯ

Издали звон колокольный.
Скрип запоздалый колёс.
В тающий свет богомольный
Шелест понурых берёз.

Родины лик незабвенный.
Вёрсты судьбы горевой.
Счастье земное — мгновенно.
Вечен небесный покой.

Пой же, распятая новью,
В тихом забытом краю
С тихой своею любовью
Тихую песню свою.

Июль 2006 г.

ХУТОРОК

Хуторка на карте нет.
Вдоль угрюмого оврага
Проскулит велосипед,
Как побитая собака.

Пробираясь между пней,
(Вы такого не видали)
Без усилия ступней
Мерно крутятся педали.

У прогнившего крыльца
Ткнётся рамою в лесину.
Молвит голосом купца:
«Кто здесь жаждал керосину?»»

Огласит.. .и был таков.
И вослед ему недолго
Рявкнет дедовский засов,
Пискнет бабкина щеколда...

Я давно ничейный внук.
Сторонюсь молвы и бреда.
Но пугаюсь, если вдруг
Слышу скрип велосипеда.

Февраль 2007 г.

ЧЕРНОСИТОВО

Сеют бабы ласку ситами,
Выпекают калачи.
Под деревней Черноситово
Бьют целебные ключи.

В том краю (я вам поведаю)
Не берут в сельмаге сдач.
Ходит твёрдою монетою
Черноситовский калач.

Нет лица в деревне хмурого,
Всяк доволен, всяк румян.
Прибыл даже чин из Мурома
Подевиться на селян.

И уверовав — к плечу
Нацепил по калачу.
А народ... глаза, как свечи,
Души — только что с печи.

Шепчут праведные речи
В потаённые ключи.
Лбы кропят живой водою,
Омывают малых чад.

Под вечернею зарёю

Песни русские звучат.
Вот какие чудеса
Прячут здешние леса!

Я там был. Оставил мету.
И одно могу сказать.
«Я когда-нибудь приеду
В ту деревню умирать».

Декабрь 2005 г.

ДОМ

Дом стоит давно
И не валится.
И в его окно
Солнце зарится.

А и в том дому,
Уж как водится,
Над свечей в углу —
Богородица.

За столом отец
Рядом с матушкой.
На руках малец,
Звать Иванушкой.

Дом стоит, как кряж,
Спян тыщами,
Вековыми аж
Корневищами.

И стоит на том,
К свету правит дни.
Помолись за дом,
Путник праведный.

Январь 2007 г.

РУССКИЕ

1

Прижатых к северным снегам,
Рассеянных по сушам,
Считают нас по головам,
А мы себя—по душам.
Нас нет нигде.. и мы везде,
Вдали от всех и около.
И оберег наш в бересте
Под опереньем сокола.

2

Там зарубы на дверях,
Где мальцами топали.
Там гробы на чердаках
И соленья в подполе.
Там на хлёсткую уду
(Лапоть в поперечине)
Щук таскают по утру
Из тугой потечины.
А на взгорках, тут и там,
В кружевах бессонницы,
Ставят голос петухам
На побудках звонницы.

Там чужого не найти,
Все из кровной братчины.
Не попутаны пути,
Не переиначины!
Не восславлены вожди,

Павшие не сгнули.
Там пасхальные дожди
Землю не покинули.
Там, уставшие от смут,
От словесной копоти,
Люди русские живут.
Помоги им, Господи!

Июнь 2005—май 2007 г.

МИРОН

Везёт Мирон семье поклон,
Весёлый мой возница.
Трусит лошадка под уклон,
Под солнцем снег искрится.

С отца штаны, пятак казны
Навряд ли в них найдётся.
Ну а Мирону хоть бы хны,
Он, знай себе, смеётся.

Трусит лошадка, тянет воз,
Почуя близость крова.
«Детьми Господь бы не обнёс,
Была б жена здорова...»

Всё ближе вежи городьбы.
«Эгей! — кричит возница, —
Была б изба, где из трубы
Весёлый дым струится!»

Сентябрь 2006 г.

Эх, доля человечья:
Кому олады печь,
Кому-то на Двуречье
Два русла рек стеречь.

Не дремлет сила вражья,
Шаманит в кураже.
Пред ней село Двупашье
Лежит на рубеже.

Труды в осаде тяжки.
Не сдюжить до зари.
Да в том селе двойняшки
Живут — богатыри!

Не ведая покою,
В дыму кипящих смол,
Надёжною стеною
Возводят частокол.

Дивится Дико-поле,
Коней пустив в намет,
Двужильный этот, что ли,
Несломленный народ?

...Лишь тот под небесами
Народ-кремень велик,
Чей внук двумя перстами
Свой осеняет лик.

Октябрь 2006

Здравствуй, Родина! Снова я
От столиц в стороне.
Чужеземная новая
Жизнь гремит по стране...

Старь моя, бесприданница,
Храп в ночи лошадей.
Пусть хоть это останется
От России моей.

Храм над лунными плёсами,
Веры тихая власть,
Колея под обозами,
Чтоб в ночи не пропасть.

Школьник белые платица
У раскрытых дверей.
Пусть хоть это останется
От России моей.

Свет звезды над погостом,
Если павшему встать,
Чтоб и с маленьким ростом
За три моря видать.

Осень, русская странница,
Средь померкших полей...
Пусть хоть это останется
От России моей.

Сентябрь-октябрь 2007 г.

Россия. Глубь. Сойду с колёс.
Неужто я и в правду болен?
Какой недуг меня занёс
На это брошенное поле?

Небес разгневанная синь,
Ветряк, изъеденный трухою.
От солнцем выжженных низин
Половой веет и тоскою.

Полынь, стрижи да пыль дорог,
Старик, бредущий на удачу.
Ещё мазок, ещё глоток...
И я заплачу.

Май 2007 г.

Первая осени ржа
В лиственной кроне.
Первый, краями дрожа,
Лист на ладони.

Совестно мне и грешно
В этом сожженье.
Что-то случится должно
В их приближенье.

Станет, по птичьи, легко
Мчаться по краю.
Кто одолеет кого —
Я не узнаю.

Май 2007 г.

Дочери Ксении

Цветы увядшие немы.
Им не воспеть рожденье утра.
Забыт их пламень. Только мы
Их вспоминаем поминутно.

Такая выдалась пора.
Такое вызрело ненастье.
Все то, что в нас цвело вчера,
Сегодня не имеет власти.

Костёр погаснувший истлел.
Надышит осень, скрипнув дверцей,
И первый иней на стекле,
И первый холодок на сердце.

Сентябрь 2005 г.

Не всё равно ли,
Совсем, в половину ли,
Даже морозы
Россию покинули.

Вышло из боя,
Утратив достоинство,
Белых метелей
Кичливое воинство.

Хмарь и туманы
Над чёрными нивами
Хлещут селенья
Дождями ленивыми.

В это безумие
Долгое ввергнуты,
Гонят ветра
Опадь позднюю в рекруты.

В храме звонарь,
Отмолившись с поклонами,
Кличет снега
Колокольными звонами.

Декабрь 2006 г.

Скупее день. Всё царственнее вечер.
Всё безоглядней стылые поля.
Всё безответней путаные речи,
Желанное молчание суля.

Хрустит ледком пустынная дорога.
На верстовые чёрные столбы,
Из влагою пропитанного лога,
Ползут тумана липкие горбы.

Снег — в стремях! Он только
ждёт отмашки
Не избежать, не спрятаться нельзя.
И лес стоит в смирительной рубашке,
Пустые кроны в небо вознеся.

Уж на холме, в сетях вороньей смуты,
Где доживает в муках древний храм,
Колокола последние минуты
Вызванивают голым деревьям.

Всему свой срок. Так что ж так сердцу тяжело
От неизменной ломкости времён?..
Вот и на мне та белая рубашка,
Которой я, как снегом, заметён..

ЗИМНЯЯ ХАНДРА

Дух томится в постели,
В праздном теле гостя.
Разлетелись метели
Две недели спустя.

Город выпустил ворот,
Снег наскрёб у ворот.
Хороводится ворон
Среди вздорных ворон.

И во мне, вне погоды,
Всё кружит хоровод
Из краплёной колоды
Бесполезных забот.

Занавешусь плечами.
Остужу свою спесь.
Даже в зимней печали
Свои козыри есть.

Май 2007 г.

ВЕЧЕРНИЙ ЭТЮД

В маленькой кухне
Стол и окно.
Изредка ухнет
Звук о стекло.

Вскинется сполох
Поздних зарниц.
В сумраке полом —
Оклики птиц.

Свет отдалённый,
Сдавленный мглой,
Шарит по клёнам
Сонной рукой.

Где-то под крышей,
Ростом с вершок,
В дудочку дышит
Русый божок.

Июнь 2005 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Бешпагир. Саманный дом.
Кухня с русской печкой.
Образа в углу рядком
Над горящей свечкой.
На печи, из края в край,
Дедова одёжа.
Хочешь сидя мух считай,
А не хочешь— лёжа.
Баба Ира крестит лоб,
Дует на лампадку
И ворчит на деда, чтоб...
Больше для порядку.
Мне высоко на печи
И с любого боку,
Сонный отрок, я в ночи,
Как-бы ближе к Богу...
Пропоёт петух рассвет —
По селу раскатится.
Я проснусь.
Мне десять лет,
И не время каяться.

Сентябрь 2005 г.

ДЫМОК

Моему коту Дымке

Кольцо дорог
Опутал смог.
Сентябрь, брат, грязища.
Прыжок, соскок...
Дыми, Дымок,
Сибирский мой котище.

Пусть за окном
Огни кругом
Квартир и предприятий,
Лежат рядком
Блины с дымком.
Их любит мой приятель.

Кольцо дорог
Опутал смог.
Труба дымит в окошко.
Поешь, Дымок,
Сметанки впрок
И мне оставь немножко.

Сентябрь 2006 г.

СТАНЦИЯ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ

Снова я в своём городе детства
У развилки железных дорог.
Беспокойное это соседство
Я запомнил, как первый урок.

Перепапки вагоновожатых,
Маневровых ночные гудки
И смиренье теплушек дощатых,
Кем-то брошенных гнить в тупики.

Штабеля терпких шпал у обочин,
Ловких сцепщиков злой матерок
И конкур «пассажирских» из Сочи,
Привозящих морской ветерок.

Ныне всё здесь как будто иначе,
Да и сам я, пожалуй, другой.
Но услышу гудок... и горячей
Моё сердце окатит волной.

Март 2005 г.

ПЯТИГОРЬЕ

С вершины Машука
Во все концы — раздолье.
Лети, моя строка,
В родное Пятигорье.

Здесь вековая звень
В шелках горы Горячей.
Здесь в эполетах тень
Мелькнёт по склону зряче.

Здесь струй целебных шум,
Полёт орлов над кручей
И безмятежность дум
Над смертью неминучей.

Здесь юная земля,
По воле Божьей власти,
Себя приподняла...
И затвердела в страсти.

Здесь солнце через вязь
Шелковиц и черешен
Целует, не стыдясь,
Лодыжки смуглых женщин.

Оно спешит сквозь тьму
На каждое подворье...
Мир дому твоему,
Родное Пятигорье!

Май 2005 г.

ТОЧКА ОТРЫВА

Ни силком, ни в охотку
Не уеду, не жди.
Я по самую глотку
Врос в грибные дожди.
В потемневшее поле,
В сиротеющий лес,
По неведомой воле
Молчаливых небес.
В эту глину обрыва,
Клёна ржавую медь...
С этой точки отрыва
Мне уже не взлететь.
Остаюсь, проседая
Вместе с прелью крыльца,
В эту землю до края,
До глубин, до конца.

Октябрь 2005 г.

И лунный свет, и пряная трава,
И дым костра, и плеск рыбачьей сети,
И храма силуэт «На Покрова»,
И блики звёзд на этом силуэте.
И сонная тропинка вдоль плетня,
И грустные напевы под ветлою...
И всё это, промчавшись сквозь меня,
Летит куда-то к вечному покою.

Июль-август 2006 г.

II часть

ВОСТОЧНАЯ ТЕТРАДЬ

ПУСТЫНИ АЗИИ

В песчаных бурях канули века.
Колышет зной забытые руины.
Под песни ветра гонят бедуины
Ослепшие от солнца облака.

Здесь дух, истлев, осыпался в песок
Меж древних сур великого Корана,
И только кости полчищ Тамерлана
Белеют грозным прахом из-под ног.

Пески... Пески... Как зыбок ваш приют
Сквозь пальцы рук стекает жизни бремя,
Да, гордо вскинув голову, верблюды
Лениво пережёвывает время.

Сентябрь 2006 г.

Какая вязь полночных дум...
Рахмат лукум... Кара-Корум...
Витийство сна и пуха.
Полёт тщеты и духа.

Как вечный гул в земной тиши...
Курбан-Баши... Термез— якши.
Бесчестья сплав и славы.
Соитье льда и лавы.

О, ты, Восток, великий хан.
Блестит на солнце твой тюрбан.
В глазах ни тени страха.
Не прогневи Аллаха!

Ноябрь 2006 г.

ДЕХКАНИН

Поёт жара. Поёт дехканин.
Мотыгой бьёт подгорный камень.
Над ним орлы, под ним долина.
Полна камней его корзина.

Берёт дехканин груз на плечи,
Несёт его тропой овечьей
Туда, где склон горы отвесней,
Где водопад подобен песне.

Поёт жара. Поёт дехканин.
Бросает в пену тёплый камень.
Над ним орлы.
Под ним долина,
Родной кишлак и песни сына.

Ноябрь 2006 г.

В БУХАРЕ

В достославной Бухаре
Зреют дыни на заре.
Их с бахчи везут арабы
На прогнувшейся арбе.

В досточтимой Бухаре
Спят мечети на горе.
С их вершин муллы вещают
О молитвенной поре.

В достоюной Бухаре
Щёки девушек в хурме.
Их нарядные косички,
Как синички на Пахре.

В достомудрой Бухаре
Дремлет старец на ковре.
Перед ним кальян и чётки
На червлёном серебре.

.. Я представил не дыша,
Будто я Бухар-Паша.
До чего же возгордилась
Моя скромная душа.

Ноябрь 2006 г.

АРЧА

К ней мул, копыта волоча,
Бредёт в плену у зноя.
И дарит чуткая арча
Скотине тень покоя.

Под ней родник, струей журча,
Бежит прохладной влагой.
И рада девушке арча,
К ней прибежавшей с флягой.

Коль воин, с пулей у плеча,
Придёт с оружием вместе,
То пропоёт ему арча
О доблести и чести.

Коль аксакал, на хворь ворча,
К стволу пристроит тело,
Нашепчет заговор арча,
Чтоб тело не болело...

И дай ей, Бог, запас добра
Простить решимость топора.

Ноябрь 2006 г.

ВОЗЛЕ ГОРОДА ХОРОГА

Пики вскинулись высоко,
А хребты наискосок.
Так у женщины востока
Бровь сбегает на висок.
Возле города Хорога
Луговины склон полог.
Отдышись, турист, немного
Коль сюда забраться смог.
Дастархан в кругу ватаги
Из походных бедолаг.
Не от денежной бумаги
Золотиться бешбармак.
«Эй, урус, меня послушай,
Посиди в тени, остынь.
Бадахшанский дыня скушай
Ты таких не кушал дынь».
Ах, купец, — воркует сладко.
А в мои карманы брюк
Его юная мулатка
Сыплет солнечный урюк.
О, послушница Востока!
Бровь сбегает на висок,
Грудь колышется высоко,
А глаза наискосок.
Как любовно все детали

Очертили эту статью.
Вы такую не видали.
Вам такой не увидеть!
Возле города Хорога,
У развилки двух дорог,
Мне туземка-недотрога
Подарила свой венок.
Чтобы я, столичный житель,
Отправляясь в дальний путь,
Не забыл в её обитель
Заглянуть когда-нибудь.

Март 2007 г.

НОЧЬ НА ИССЫК-КУЛЕ

Ночь. Кобыла тянет куль
Тропкою набитой.
Жизни чаша — Иссык-Куль
Звёздами пролита.

Здесь в ущельях Алла-Тоо
Лунный свет телесный.
Водной глади полотно,
Как свеча над бездной.

Дочь табунщика, Айгуль,
Не грози камчою.
Пусть кобыла Иссык-Куль
Выстудит губою.

Лошадь в озеро вошла,
Встала в мелководье
И пила, пила, пила...
Уронив поводья.

Пламя вод ей губы жгло,
По ногам бежало.
И в зрачках её цвело
Зарево пожара.

Ноябрь 2006 г.

КРАСНЫЕ МАКИ

Не знают, не верят
Словам горожане,
Что красные маки
Цветут на Тянь-Шане.
По грусти, по жажде,
По зову, по слуху,
Но я их нарву
В загорелую руку
На сыртах Куй-Лю,
На хребтах Сары-Джаза...
Для них приготовлена
Белая ваза.
Чтоб в городе белом,
Под белую стужу,
Мне красные маки
Оттаяли душу.

Ноябрь 2006 г.

ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ

Шелками бредит Туркестан.
Уводят вглубь барханы.
За караваном караван
Бредёт в чужие страны.

В корзине прочной Турсунай
Везёт верблюдов кургузый.
«В Индокитай, в Индокитай», —
Вызванивают бусы.

Влачит судьба тернистый путь.
Пуста слезы услада.
Грустна сиреневая муть
В гаремах Джалабада.

Погонщик стар, погонщик лют,
Купец из Абиссинии,
Он знает, сколько драхм дадут
За эту лань в корзине.

Он знает всё про женский взгляд,
Что ждать от этих бестий,
Но ничего про смертный яд
Под изумрудом в перстне...

Шелками бредит Туркестан.
Уводят вглубь барханы.
За караваном караван
Бредёт в чужие страны.

Май 2007 г.

III часть

ОТ ЛЮБВИ ДО ЛЮБВИ

Ты уронишь нечаянно
Мне ладонь на плечо.
Как умеет молчание
Говорить горячо.

В этом поле вещания,
От любви до любви,
Все мои обещания,
Все надежды твои.

Нами ночь окольцована
И в сиянье кольца
Все лицо зацеловано
Отраженьем лица.

Июнь 2005 г.

ЖЕНЩИНА НА ЛУГУ

Жжёт колени лебеда.
Платья лёгкая испарина
Выше линии бедра
Лентой шёлковой приталена.

Зной июльский парит луг.
Льнут стрекозы и букашки
На пушок солёный рук,
На височные кудряшки.

Ластит локоны из льна
Ветерка отдохновенье.
Каждой клеткой отдана
Красота во искупленье...

Ты идёшь, своей красой
Красоту земли венчая,
Ни гордыни за собой,
Ни вины не замечая.

Ноябрь 2006 г.

По голосу, по оклику
Узнаю облик твой,
По тлеющему облаку
Над долгою рекой.

Светлеет на обочине
Под солнцем платья лён,
И я в тебя воочию,
Как юноша влюблён.

Бегу к тебе покосами
Сквозь влагу спелых рос
За девичьими косами
Под шелестом берёз.

Без слов, без сил, без выбора
Бегу в лесную звень.
И вся душа навыворот,
И кепка набекрень!

Август-октябрь 2007 г.

Поодаль сяду. Засмотрюсь,
Внутри себя лелея трепет.
Да что глаза!— дышать боюсь,
Когда полощешь в косах гребень.

Волос белесые ручьи,
Волна к волне, бегут упруго
На плечи, всё ещё ничьи,
На спину, выгнутую туго.

И рук таинственная суть
Колышется вольготно, пьяно,
И эта вскинутая грудь
Под мокрой тканью сарафана...

Любуюсь, искренне любя,
Ко всем, к всему тебя ревную.
Люблю и верую в тебя
И в красоту твою земную!

Сентябрь 2005 г.

ЖЕНЩИНА НАВСТРЕЧУ

Гордым Марсом хранима,
Жемчугами звеня,
Легионами Рима
Ты идёшь на меня.

Недоступно порочна,
Всепобедно легка.
Пурпур платья досрочно
Обжигает врага.

Ты всё ярче, всё ближе,
Ты вплотную уже.
Ты запальчиво дышишь
В боевом кураже.

Остриями улыбки
Рассекаешь свой путь...
Под рубахою липкой —
Моя вскрытая грудь.

И немеет с досады,
Затаившийся впрок,
Мой бывалый засадный,
Неуступчивый полк.

Сентябрь 2005 г.

...И звезда с звездою говорит...

М. Лермонтов

Твои ладони студит звёздный ветер.
На чистый снег струится лунный свет.
И кроме нас на этом белом свете
Нет никого на сотни тысяч лет.

Нам жить века пред ликом мироздания,
Пока звезда с звездою говорит,
Пока моё полночное дыханье
К твоим озябшим пальцам долетит.

Февраль 2007 г.

Обронила смех
В соболиный мех,
Скрылась в замяти.
Глаз зелёных лёд,
Отколовшись, лёг
В стылой памяти.

От твоих подруг,
Полуночных выюг,
Сны тягучие.
Долго свист и скач,
Дикий вой, и плач
Сердце мучили.

В заревой тоске
Я пойду к реке,
Лунку выдолблю.
Весь зелёный лёд,
Что в ладонь мне лёг,
В слёзы вылюблю.

Ноябрь 2006 г.

Январь. Бесснежье. Сумрак мягок.
И в душном сне сирени мякоть.
Всего лишь сон. Ну что такого...
Тревожно. Сладостно. Пухово...

Всего лишь сон. Весны дыханье,
Любви, минувшей, окликанье.
На влажный лист, ольховый трепет
Скользит, кружась, любовный лепет.

Всего лишь сон. Ну что такого...
Тревожно. Сладостно. Пухово...

Январь 2007 г.

ПОЛЕТ СНЕГОПАДА

Без тяжести гнёта,
Под шелест распада,
Во власти полёта
Полёт снегопада.

Как жаль, что ты знаешь,
Как жаль, что я знаю,
Что ты не летаешь,
Что я не летаю.

О, знания мука!
Нелепо, без толка,
Дышать друг на друга
Мучительно долго.

И знать, что ты знаешь,
И знать, что я знаю,
Что ты не растаешь,
Что я не растаю.

Сентябрь 2005 г.

Якоря закреплены
За клочок земного края.
Мы с тобою до весны
Вмёрзли в крошево припая.

Сопки спрятались в снега.
Вниз по ним, до побережий,
Лишь колючая пурга
Да настырный след медвежий.

Пятый месяц мы вдвоём,
В путях замкнутого круга,
Словно сивучи ревём,
Натыкаясь друг на друга.

У меня к тебе, сквозь льды,
Ни любви уже, ни жалости...
Дотерпи меня,... Пожалуйста,...
До оттаявшей воды.

Июнь 2005 г.

Солнца красного фреза
Плавно режет небеса,
Сыплет огненную стружку
На дремотные леса.

Я светило не виню.
Льну к закатному огню:
«Растопи во мне, светило,
Душетканную броню».

Опалил пожар крыльцо.
Бросил уголья в лицо.
И оставил на ладони
От любимой письмецо.

Сентябрь 2006 г.

ТИХОЕ СЧАСТЬЕ

Старые ходики, тикая,
Гонят минуты вперёд.
В домике женщина тихая
Тихую песню поёт.

Светом звезды оторочены
Тусклые лики икон.
Тёплые волосы дочери
Тихая гладит ладонь.

Детскими платьями, юбками
Ночь застелила жильё.
Женщина тихо баюкает
Тихое счастье своё.

Март 2007 г.

РЫЖИЕ СТИХИ

Солнце целует твои конопушки,
Рыжие кудри на белой подушке.
Рыжий котёнок на рыжем паласе.
Рыжий букет на пустынной террасе.
Рыжая роща за рыжей скирдою.
Рыжая речка под рыжей листвою.
Рыжая осень осыпала ржой
Рыжий посёлок почти с головой.
Рыжий фургон завернул в переулок
С рыжим набором батонов и булок.
Рыжее утро зовёт ребятишек
В рыжую школу с портфелями книжек.

...Вот и проснулась. Глядишь не мигая.
Доброе утро, моя золотая!

Ноябрь 2006 г.

ШУТОЧНОЕ

Мы с тобой шагаем утречком,
Неуклюжих обходя.
У тебя походка «уточкой»,
«Медвежонком» — у меня.

Ты идёшь, поводишь плечиком
По немислимой дуге.
У меня причёска «венчиком»,
Томик Тютчева в руке.

Под парами катим парюю,
Все условности круша.
Двух сердец бесценных баррели
Не приносят ни гроша.

Не грусти, моя хорошая,
Усмири наживы дрожь.
Век огранит жизни крошево
В бриллиантовую брошь.

Мы идём. И ходит плечико
По немислимой дуге.
У меня причёска «венчиком»,
Томик Тютчева в руке.

Июль 2006 г.

ТЫ И Я

Нет у любви дна,
Берега и средин.
Ты у меня одна.
Я у тебя один.

Холит весны звень
Нашу с тобой дочь.
Ты для меня день.
Я для тебя ночь.

Гонит табун слов
Наша тоска вскачь.
Я для тебя зов.
Ты для меня плач.

Нас от земных драм
Божий хранит перст.
Ты для меня храм.
Я для тебя крест!

Декабрь 2005 г.

IV часть

СКИТ

Построил дом, взрастил своё дитя,
В родную крепь вкопал побег берёзы...
Теперь я ваш, прождавшие меня,
На станционных стрелках тепловозы.

Так пой, гудок, вези меня, вагон,
Врывайся, ветер, в оторопь плацкарта,
Греми железом, долгий перегон,
Под вольный марш колёсного азарта!

За окоём пространственных свобод,
Из пелены отторгнутой неволи
Лети, душа, в пределы той юдоли,
Которую никто не отберёт.

И страха нет. Лишь отблески тревоги,
Когда мелькнёт домишко за стеклом,
И женщины фигурка у дороги,
И юная берёзка под окном.

Май 2007 г.

Эту жизнь пора «на мыло»
(Извиняйте, мать, отец)
Всё, что было, всё, что было,
Всё, что будет, наконец.

Не бери меня на веру,
Не бери меня «на грудь».
За свою земную меру
Я отвечу как-нибудь.

Всё раздам, чем был одарен
(По сусекам не держу).
Я не барин, я не барин
Гостевому багажу.

Пыль дорог сложу в котомку
(Наивысшее из благ),
Хлеба корку, неба кромку
Намотаю на кулак.

Свистну, сплуну, хлопну дверью!
Не грози мне, жизнь, клюкой.
Я не верю, я не верю,
Чтобы не было другой.

Май 2007 г.

Под стук полуночных колёс,
Наперекор земной усталости,
Давай среди безбрежных слёз
Устроим маленькие радости.

Сойдём на станции «Слеза»,
Заселим ветхое жилище,
Где наши мокрые глаза
Бездомный ветер не отыщет.

Присядем молча у окна,
Как первоклассники — послушно.
Есть табуреты, стол, стена
И это всё, что нам и нужно.

Хозяйствуй, пришлая душа,
Соседствуй, мышь, в пустом овине.
И да пребудет та межа,
Где нас за нею нет в помине!

Ноябрь 2007 г.

ТАЙНЫЙ СТРАННИК

Я скучаю по тебе,
По твоим лесам и долам,
По унылой городьбе,
Журавлям в предзимье голом.

По мелькающим вдали
Скирдам сена в ранних росах,
По мальчишечьим, в пыли,
Вездесущим пяткам босым.

Я скучаю по тебе.
В гневе гроз и в сонной неге,
В зеленях и в белом снеге
Я скучаю по тебе.

И в молчанье, и в мольбе,
Пережив эпохи, страны,
Я скучаю по тебе,
Мой далёкий, тайный странник.

Июль 2006 г.

Бывает, редко, но бывает
Такая ясность наплывает,
Такого чувствованья дрожь,
Такая степень откровенья,
Что ты, распятый на мгновенье,
Себя в себе не узнаёшь.

Всё первородно, свято, ново.
Скользит на лист бумаги слово,
Являя вечности права.
За ним, пройдя рожденья муки,
Как мотыльки, трепещут звуки,
Строке подвластные едва.

Меж ними мысль в потугах бьётся,
В сцепленье рифм на волю рвётся,
Ещё не ясная пока.
Но вот, как молния с грозой,
Душа обрушится слезою,
Свои смывая берега.

Строка к строке прильнёт упруго
В единой вере друг за друга,
В свободной воле естества.
И мысль, и чувства в общем блеске
Озвучат стих, как море всплески,
По праву высшего родства.

...Бывает, редко, но бывает,
Когда природа умолкает,
Строкой пронзённая насквозь,
И тишина, срывая путы,
Крадёт у времени минуты,
Чтоб слово с вечностью слилось.

Сентябрь 2006 г.

ХУДОЖНИК

В потёртом кресле, в комнате пустой
Он, головой откинувшись кудлато,
О чём-то грезит в сумерках с тоской
И всё молчит, и всё глядит куда-то.

Закатный луч очертит окоём,
Позолотит увядшие гардины.
И до поры неведомые в нём,
Заговорят возникшие картины.

Он, сам с собой о чём-то бормоча,
Заполнит лист туманной криптограммой
С магическим безумием в очах,
С какой-то обречённостью упрямой.

Он крик издаст, отбросит ручку прочь,
Искошит лист, исписанный на части...
И долго будет всматриваться в ночь,
Вновь молчалив и к миру безучастен.

Ноябрь 2007 г.

Поэтом слыл, органиком,
Небесталанным вроде.
Теперь служу охранником
На местном хлебзаводе.

В объятых всякой всячины
Дышу мучными злаками.
Долги мои оплачены,
Стихи мои оплаканы.

Но зреет в сердце ропотом
Всё то же неминуемое...
Да пропадай ты пропадом,
Моё благополучие!

Февраль 2007 г.

УХОДИТ ЛЕТО

А. С. Баркову

Уходит лето. Боже мой,
Всё тоньше жизни нить. Ну что же...
Грядущей осени покрой
Душе неприбранной дорожке.

Уходит лето. Вышел срок.
Но как светло, как сердцу колко
В осенней слякоти дорог
Брести в лучах его осколка!

Уходит лето. В добрый час.
Кружи листвою, завихруха.
Чем больше вольности для глаз,
Тем больше крепости для духа!

Уходит лето. Помолчу.
Всему свой век, своя остуда.
Луна затеплила свечу
На присмирившей глади пруда.

Уходит лето. Жизнь уйдёт...
«Ну что ж,— скажу,— доверься Богу»
Однажды прерванный полёт
Лишь приглашение в дорогу..

И не то чтобы зрелость уже,
И уж точно не липкая старость,
Но случается, в каждой душе
Нарастает житейская странность.

Удаляется топот коней
По осколкам разбитого глянца.
Снятся белые своды церквей,
А будёновки больше не снятся.

Наступает пора сквозняков,
Бесприютное время несходства.
По аллеям вселенских миров
Бродит страждущий ангел сиротства.

Май 2005 г.

Недосказал... Не уберёг...
Всех вас, укрытых облаками:
Слова, не сказанные в срок,
Так и останутся словами!

Им, не услышанным, бродить
В пустых дворах, свисать с балконов
И в тамбурах ночных дымить
Под лязг и грохот перегонов.

И в кораблях, среди миров,
Искать всё то, что было зримо,
Всех тех, кому без этих слов
Сейчас в раю — невыносимо.

Зову, молю... И горла звук
Берёт охрипшую октаву.
Но умолчание вокруг
Мне, умолчавшему, по праву.

Сентябрь 2005 г.

Молчите, проклятые книги!

Я вас не писал никогда.

А. Блок

Я добрым родился и светлым,
Но в грозном предчувствии бед
Промозглые чёрные ветры
Прикрыли крылами мой свет.

Набухли слезою ресницы,
И взор, ужаснувшись, поник...
Молчите, молчите, страницы,
Моих ненаписанных книг.

Молчи, небожитель, не надо
Тревожить надежды свечу.
Предстать предсказателем ада
Я даже в раю не хочу.

Август 2005 г.

СОН

Ты из будущих свершений,
Нам неведомых столиц,
С холодком надменной шеи
Меж фарфоровых ключиц.

Ты идёшь. Наряд жар-птицы
Озаряет путь светло.
И чело императрицы
Застит белое крыло.

Кто ты, скрытая веками,
Пеленой иных времён?
Между нами, под снегами
Белый город погребён.

Ты идёшь, и слепит колко
Долгий шлейф твоей парчи
По раздробленным осколкам
Всеповерженной ночи.

Ясен путь. Блестит дорога
Через сполохи зарниц.
На тебе знаменье Бога
Меж фарфоровых ключиц.

...Странный сон. Сквозь пробужденье
Скрипнет чуткое крыльцо.
Мне бы только на мгновенье
Заглянуть в твоё лицо.

Декабрь 2005 г.

Былого пиршества аскет,
Покинув юности чертоги,
Летишь, как бабочка на свет,
На безутешный зов дороги.

И понукаемый вожжой,
Кто в жизни ты?..
Клубок скитаний,
Прилежно вытканый душой
В живую ткань воспоминаний.

Февраль 2007 г.

Что должно произойти
С человеком мегаполиса,
Утерявшего пути
В глубь умеренного пояса?

Что должно в нём закипеть,
Вспенив, вырваться наружу,
Чтоб заставить снова петь
Им покинутую душу?

Чтоб придти в конце судьбы,
Как тщеславию ни хочется,
От излишества толпы
К дефициту одиночества.

Декабрь 2007 г.

Будут ночью ставни хлопать,
Птица вещая кричать.
Будет ветер в копны опадь
Под калитку наметать.

Выйду утром за ограду,
Встану вехой у межи,
Подпалю листовы лампаду
На прозрение души.

И поверю, так бывает, —
Годы, пущенные влёт,
Ранний ветер разбросает,
Поздний ветер соберёт.

Сентябрь-октябрь 2007 г.

СТРЕКОЗА

Личинка... Куколка... Принцесса...
Мазки природы, трепетность шагов.
И хрупкое ваянье из под прессы
Мучительно тянувшихся веков.

И как же надо в эту жизнь вцепиться,
Врасти, переродиться, всё стерпя,
И распадаясь в клочья — возгордиться,
Явив на суд прекрасное дитя!

Май 2005 г.

У вас дожди, врагу не пожелать.
А здесь, в Москве,
(Когда такое было?)
Сквозь деревья,
Высотки и стропила
Небесная нисходит
Благодать.

Такая блажь,
Дозволенность и нега,
Что в пору только
Руки развести,
И ты уже не ты,
А сгусток неба
Внутри себя открытых
Палестин...

Так раковой больной,
В себе самом,
Негаданно почуяв облегченье,
Распознает
Небесное свеченье,
Чтоб вскоре
Не печалится о нём.

Август 2005 г.

Птицей висну на балконе.
Каюсь, гневаюсь, скорблю.
Словно грех к святой иконе,
Припадаю к сентябрю.
Между небом и землёю
Одинокому легко
Убывающей струёю
Пить природы молоко.
Проникать за смертный полог,
Возвращаться в свой исток,
Ощущать, как всё же тонок
Бременной жизни волосок.
Как мучительно согласно
За спиной, в скрещенье сил,
Вырастает ве-образно
Налитая пара крыл.

Август 2007 г.

В мой дом вчера ввалился гость
Без приглашенья.
Вошёл, как входит в глотку кость
Для удушенья.

Уселся, ровно супротив
Моей фигуры,
На стол ручищи водрузив, —
Две арматуры.

И свёрла карих его глаз
Ежесекундно
Меня дробили, как алмаз,
В труху, до грунта.

Он не просил ни есть, ни пить,
Ни утешенья.
Ему хотелось просто быть
Без приглашенья.

С тех пор, как встал он на постой —
Мне нет покоя.
Кричу: «Да кто же ты такой,
Иль что такое!?»

Я есть хочу, я жить хочу!» —
Всё понапрасну...
«Зажги в своей душе свечу,
И я погасну».

Я сделал так, как он просил:
Перекрестился,
Свечу затеплил и без сил
Во сне забылся.

Проснулся — в доме я один,
Как вошь на блюде...
И Бог един, и хлеб един.
Входите, люди!

Май 2007 г.

НА ЧУЖОМ ПИРУ

Преступил межу —
Не бывать добру.
Вот и я сижу
На чужом пиру.

И не свят, не клят —
Зубы скованы.
На меня глядят
Щучьи головы.

На столах меды
От заморских мест
И плюют братья
В православный крест...

Пробужусь сквозь сны.
Где я? Что же я?...
Я ль тебе не сын,
Матерь Божия?!

Октябрь 2006 г.

МОЙ ВЕК

Плачь, душа. Твоё тело нагое
Отшвырнула эпоха ногой.
И бредёшь ты за кромкой покоя
В неприветливый свой непокой.

Взгляд объемлет и воды, и сушу.
И как в жёлоб ледовый болид,
В сиротливую брентную душу
Одинокая вечность скользит.

Январь 2007 г.

Зачем мне этот век?
Он чужд мне. Слава Богу,
Не мне шагать с ним в ногу,
Пока я человек.

Покуда глух мой век,
Сидеть меж нами клину...
Не я мой век отверг,
Не я его покинул.

Сентябрь 2005 г.

От каких таких дождей,
Вьюг житейских разметало?
Оглянулся... а друзей,
Будто сроду не бывало.

Тих мой дом. Блестят полы...
Прочих тел не знает ванна.
Накрахмалено белы
Подлокотники дивана.

И пуста пространства жуть,
И накрытый стол не узок...
Хоть бы грохнул кто-нибудь
Кулаком промеж закусок!

Звякнул россыпью монет
На цветы жене, вино ли...
Если вас со мною нет,
Стало быть, я в том виновен.

Крестят долгие дожди
Валуны на Валааме.
Где вы, светлые мои,
За какими облаками?

Февраль 2008 г.

Тянут в лужи цапли выи.
За телегой пыль столбом.
Ах, какие бахчевые
Вызревали за селом!

В пот колхозная орава
Выбирала в колеи
И налево, и направо
Полосатые кули.

«И за что такая милость?» —
Гнулись бабы меж рядов.
И у каждой в блузке билась
Пара спелых кавунов.

Пронеслись года украдкой.
И в мерцании ночном
Только месяц долькой сладкой
Проплывает над селом.

Март 2008 г.

ПИШИТЕ ПИСЬМА

Струится времени печать
на занавески.
Позвольте вам не отвечать
на «эсэмэски».
Позвольте, веку вопреки,
глоток отваги —
Быть помещенным от руки
в формат бумаги.
Нещадно душу теребя,
поверх сорочки,
Позвольте складывать себя
в слова и строчки.
Сорить листвою между строк,
подобно клёнам.
Позвольте просто сбиться с ног
всем почтальонам!
Сегодня, завтра, навсегда,
вовек и присно,
Пишите письма, господа,
пишите письма.

Март 2008 г.

Когда-нибудь мы станем поумней,
Сердечнее на слово и на дело.
И сумрачные, в мареве теней,
Начнем искать, что в нас цвело и пело.

По выжженной дороге столбовой,
Как некогда французская армада,
Мы двинемся назад, читатель мой,
Под злой смешок ревнителей распада.

Не все из нас осияют долгий путь.
Но те, кто свет узреют на исходе,
В такие выси смогут заглянуть,
Какие вряд ли ведомы природе.

Ну а сегодня, скорбные мои,
Что мне сказать вам, сдавленным у края:
«Делите с Богом горестные дни,
Спасительные крылья обретая».

Март 2008 г.

СКИТ

Сам разрушу. Сам построю
В потаённом месте скит.
Пусть отверженной душою
Во все стороны разит!

Дверь оставлю нараспашку.
Бойся, сбившийся с пути!
Ни закуску, ни баклажку
В этом доме не найти.

Не согреть ни рук, ни тела,
Не сомкнуть усталых глаз.
Мне до вас какое дело,
Евших, пивших про запас,

В мой предел забредших спьяну,
Ошалевших от гульбы,
Мне, последнему смутьяну
Из смирившейся толпы!

Будет ночь светла, как плаха.
Будет ветра злой указ.
Будет красная рубаха
И обрубок напоказ.

Бойся, грешник, полнись страхом
Где в бору темнеет скит,
Не отпетым чёрным прахом
Во все стороны смердит.

Ноябрь 2006 г.

Отпущу себе ворох столичных грехов.
Откажусь от щедрот
благодетелей мнимых.
Мне не с ними, мне дальше —
в страну сквозняков,
На поруки ветров, непогодой гонимых.

Заведу себе лодку, собаку, блокнот,
Чтобы плыть, говорить и писать без
причины.
Есть такое служенье, вне глупостей мод,
Принять постриг в себе в послушанье
мужчины.

Я срублю себе дом у таёжной реки,
Где дробят валуны жемчужовые струи,
Где, белённые солнцем, лежат топляки,
Разметав корневища в зеркальной запруде.

Не ищите, не кличте меня впопыхах.
Я назад не вернусь, мной забыта дорога.
Я дымами и кровью в сраженьях пропах,
Чтоб остаться собой под знаменем Бога.

Ноябрь 2006 г.

ПОКАЯНИЕ

И даль вольна. И счастье кротко.
И купола в реке чисты.
Скользит задумчивая лодка
Сквозь отражённые кресты.

Легка печаль, пусты тревоги,
Прозрачны думы, ясен взгляд,
Как будто берегом отлогим
Безмолвно ангелы летят.

И все пути исповедимы,
И дух Руси неистребим,
Пока кружатся серафимы
Над покаянием моим.

Январь 2006 г.

ВСТРЕЧНЫЙ СВЕТ

Весь, как есть, покрытый ржой,
Прикипевшей к телу,
Потянулся я душой
К смертному пределу.

А у края — края нет.
Между ним и мною
Серебрится встречный свет
Высоко над тьмою.

В глубине звучат хоры,
Вторят эху горны.
И нагорные миры
Воле их покорны.

Льются звёздные дожди,
В кущах зреют лозы.
Видеть, кто там впереди,
Мне мешают слёзы.

И у света края нет...
Выпорхнув из тела,
Полетит душа летит на свет —
Нет душе предела.

Сентябрь 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

© Издательство БПП, 2009.....	2
БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА.....	3
Из книги.....	8
«ОЖИДАЮЩИЙ БЕРЕГ».....	8
Тишь России... Долгая, без края.....	9
Забуду всех и обо всем.....	10
Даже если без следа.....	11
ГЛАЗА ЛЮБИМОЙ.....	12
Всмотритесь, как прекрасны лица.....	13
Кричать? Зачем? Слова сухи, как порох,.....	14
ОТТЕПЕЛЬ.....	15
Как просты, точны твои движенья,.....	16
У ОБЕЛИСКА.....	17
ДЯДЯ СЕРЕЖА.....	18
ОТЦУ.....	20
ВETERАН.....	21
Кому я такой?.....	23
НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ.....	25
Жаль, что я не из деревни,.....	26
ДОБРОТА.....	27
Не люблю я мест оседлых.....	28
Осень приспела,.....	29
Кто сказал, что я не весел,.....	30
Я еще не научился.....	32
ПРОЩАНИЕ С МИНЕРАЛЬНЫМИ ВОДАМИ.....	33
До чего же зыбки.....	34
ГУЛЬБИЦЕ.....	35
ПЕРЕКУР.....	36
НА СТРОЙКЕ.....	38
И минутой позже — пилы.....	39
ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ.....	40
ЧИТАЯ «РЕКЛАМНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ».....	41
Мне в предутреннем бреду.....	43
УЗОР НА ПЛАТЬЕ.....	45
ЦВЕТЫ НА АСФАЛЬТЕ.....	46
Разлетимся по белому свету:.....	47
РАЗЛУКА.....	49
ИЗ КНИГИ.....	50
«РАДОСТЬ ПЕЧАЛИ».....	50

I.....	51
ВЕЩИЕ ПТИЦЫ РОССИИ	51
Исколесили:	52
Когда развееет без следа	53
Все ощутимей, все тревожней	54
РЕЧКА СЕТУНЬ.....	56
На свете множество дорог.	57
Когда в купейном катишься вагоне,	58
УТРО РОССИИ.....	60
Улягусь в травы на живот,	61
СИНИЙ ПОЕЗД.....	62
ЖУРАВЛИ	63
ОСЕНЬ ВОЛОГОДЧИНЫ	64
Вниз по Сухоне, к Тотьме,	65
ДЕРЕВНЯ НИКОЛА	67
В ДУБОВОМ ЗАЛЕ ЦДЛ	69
Улететь к родному краю.	70
РОДИНА.....	71
Земля как земля.....	72
ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ	73
НА ЗАКАТЕ	74
Крылата Русь.	75
Возле собственных ворот.....	76
РУСЬ	77
Здравствуй, лето, Троица,	78
Что я запомню на земле,	79
Под сугробами,	80
Бывает вытолкнет за дверь,	81
Ну, давай, Москва, покалякаем,	83
ОСЕНЬ РОССИИ.....	85
ПРЕДЗИМЬЕ.....	86
Когда метелит по укосам,	87
МНОГОСНЕЖЬЕ В МОСКВЕ.....	89
Белое братство	90
И снова зима колобродит.	92
Когда меня не станет	93
Наверно, я не подхожу	94
Я эту часть суши	95
II.....	96
ДВЕ ЖЕНЩИНЫ	96
ТЫ ТАКАЯ.....	97
Будет тобой не носиться	98

Задуть свечу,	99
Вино не радует пьяня,	100
Ты в отчаяние одета.	101
Кто обещает,.....	102
Твое пустое «быть — не быть»,	103
Сказал: «Через час!.. —	104
СЛУЧАЙНОСТЬ.....	105
НОЧНОЙ РАЗГОВОР	106
Останешься — останусь.....	107
Опрокинут лес вечерний.....	108
Не ишу причин.	109
Что толку сетовать теперь.	110
СЛУЧАЙ В МЕТРО	111
ПОД СЕНЬЮ ЛИСТОПАДА	112
ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ	113
ГРОЗА	114
Смертоносное жало тая,.....	115
НА ВЕЛОСИПЕДЕ.....	116
К ЖЕНЩИНАМ	118
Господь, дай женщине моей,.....	119
В тебе стелет груз вины к словам,.....	120
Их бед семейных череда	121
Жара. Июль. Зной тащит волоком	122
ДВЕ ЖЕНЩИНЫ	123
III.....	124
РЕКА СУДЬБЫ.....	124
Я в этой жизни волен.....	125
Все открит, отплачет и отноет.....	126
Дитя любви в руках лопочет	127
На меня с броней глаз.....	128
Не смотря на доводы	129
По улице школьной пройду до конца	130
Привет, моя школа, мой первый звонок,.....	131
ЦВЕТА ВОЙНЫ	132
ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ	133
Месяца меня листают,.....	134
ПОЭТ	135
В ПУШКИНСКОМ МУЗЕЕ	136
ПАМЯТИ ПОЭТА	137
Стихи, страницами шурша,	138
С привередливым клеймом.....	139
Это неправильно,	140

Я как-то праздно брел лесочком,.....	141
Июнь. Москва. Перерождение.....	142
Мне жить легко и чувствовать отратно,.....	143
Я видел — бабочка крылами билась.....	144
Мне видятся часто.....	146
РЕНТГЕН.....	147
ДУШЕ СВЕТЛО И БОЛЬНО.....	148
МЕТЕЛЬ.....	149
РЕКА СУДЬБЫ.....	151
Мысли покинут легко мою голову.....	152
ДОМОЙ.....	153
Я ВИЖУ ВАС.....	154
Опала красок мишура,.....	155
Я никому и ничего не должен.....	156
Я телефонному давно.....	157
ОДА МОЛЧАНИЮ.....	158
Я знаю, что я в этом городе значу,.....	159
КОНЕЦ БАРХАТНОГО СЕЗОНА.....	160
МЕТЕЛЬ В АПРЕЛЕ.....	161
<i>Февраль 2004 г.</i> ВСТРЕЧАЯ НОВЫЙ ГОД.....	161
ВСТРЕЧАЯ НОВЫЙ ГОД.....	162
ГРУЩУ О СТАРОМ... ..	162
Мокрый октябрь занавесился тучами,.....	163
За плетень рассвета.....	164
Ночь, прогнувшись тетивой.....	165
ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ.....	166
БЛИЗ ВАГАНЬКОВО.....	166
Зацвели медоносы.....	168
АРХЫЗ.....	169
СЕРЕНГЕТИ.....	171
ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ.....	172
Какого надо мне рожна?.....	173
Меняясь — не менялась,.....	174
И с белой метой дни мои,.....	175
Лишь запаха,.....	176
Звоните мне, пишите.....	178
ИЗ КНИГИ.....	179
«ЗА КРОМКОЙ ПОКОЯ.....	179
I часть.....	180
ДЕВОЧКА РУСЬ.....	180
Русь люблю. За что? Не знаю.....	181

Манит ягодой спелую.....	182
Зорька по полно плывёт	183
ДЕВОЧКА РУСЬ	184
Беру тебя на руки.....	185
Угодно чертой горизонта	186
Голова запорошена,	187
ПЕХОТА.....	188
АТАКА.....	189
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	190
Ещё тепло весны в отъезде.	191
ПОГОЖИЕ ДНИ В МОСКВЕ	192
Заждались. И однажды в ночь,	194
Дымится хлеб печёный.	196
Малому — пряник в руки,	197
ДОМ РОСТОВЫХ	198
МАДЖОРДА.....	201
ТАЁЖНАЯ ПЕСНЯ	202
ПОМОРЫ	204
ЕНИСЕЙ	206
КОНЕЦ НАВИГАЦИИ	206
ЗАПОЛЯРЬЕ	208
Жар рябиновой грозди.	209
ЗАПОЗДАЛЫЕ СТИХИ.....	210
РУССКАЯ ВДОВА	212
ОКРАИНА	213
Денег и славы—досыта.....	214
ТИХАЯ ПЕСНЯ	215
ХУТОРОК	216
ЧЕРНОСИТОВО	217
ДОМ	219
РУССКИЕ.....	220
МИРОН.....	222
Эх, доля человечья:.....	223
Здравствуй, Родина! Снова я	225
Россия. Глубь. Сойду с колёс.	227
Первая осени ржа.....	228
Цветы увядшие немые.	229
Не всё равно ли,	230
Скупее день. Всё царственнее вечер.....	231
ЗИМНЯЯ ХАНДРА	232
ВЕЧЕРНИЙ ЭТЮД	233
ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА	234

ДЫМОК.....	235
СТАНЦИЯ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ	236
ПЯТИГОРЬЕ	237
ТОЧКА ОТРЫВА	239
И лунный свет, и пряная трава,	240
II часть.....	241
ВОСТОЧНАЯ ТЕТРАДЬ.....	241
ПУСТЫНИ АЗИИ.....	242
Какая вязь полночных дум... ..	243
ДЕХКАНИН	244
В БУХАРЕ	245
АРЧА.....	246
ВОЗЛЕ ГОРОДА ХОРОГА.....	247
НОЧЬ НА ИССЫК-КУЛЕ	249
КРАСНЫЕ МАКИ.....	250
ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ	251
III часть.....	253
ОТ ЛЮБВИ ДО ЛЮБВИ.....	253
Ты уронишь нечаянно	254
ЖЕНЩИНА НА ЛУГУ	255
По голосу, по оклику.....	256
Поодаль сяду. Засмотрюсь,.....	257
ЖЕНЩИНА НАВСТРЕЧУ	258
Твои ладони студит звёздный ветер.	259
Обронила смех	260
Январь. Бесснежье. Сумрак мягок.	261
ПОЛЕТ СНЕГОПАДА	262
Якоря закреплены	263
Солнца красного фреза.....	264
ТИХОЕ СЧАСТЬЕ.....	265
РЫЖИЕ СТИХИ.....	266
ШУТОЧНОЕ	267
ТЫ И Я.....	268
IV часть	269
СКИТ	269
Построил дом, взрастил своё дитя,	270
Эту жизнь пора «на мыло»	271
Под стук полуночных колёс,	272
ТАЙНЫЙ СТРАННИК	273
Бывает, редко, но бывает	274
Строка к строке прильнёт упруго	275

ХУДОЖНИК.....	276
Поэтом слыл, органиком,.....	277
УХОДИТ ЛЕТО	278
И не то чтобы зрелость уже,	279
Недосказал... Не уберёт.....	280
Я добрым родился и светлым,	281
СОН.....	282
Былого пиршества аскет,	284
Что должно произойти	285
Будут ночью ставни хлопать,	286
СТРЕКОЗА	287
У вас дожди, врагу не пожелать.....	288
Птицей висну на балконе.....	289
В мой дом вчера ввалился гость.....	290
НА ЧУЖОМ ПИРУ	292
МОЙ ВЕК	293
Зачем мне этот век?	294
От каких таких дождей,	295
Тянут в лужи цапли выи.	296
ПИШИТЕ ПИСЬМА.....	297
Когда-нибудь мы станем поумней,	298
СКИТ.....	299
Отпущу себе ворох столичных грехов.	301
ПОКАЯНИЕ	302
ВСТРЕЧНЫЙ СВЕТ	Ошибка! Закладка не определена.